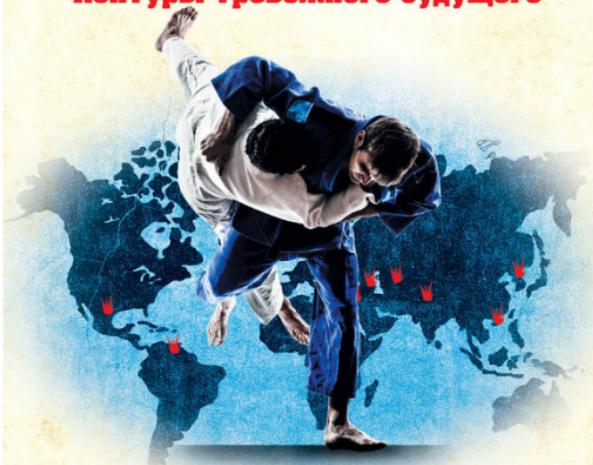

РОССИЯ vs. ЗАПАД: вчера, сегодня, завтра

РОССИЯ и МИР в 2020 году

Контурь тревожного будущего

Геополитический прогноз

Андрей Безруков Андрей Сушенцов Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9964525

Россия и мир в 2020 году: Контуры тревожного будущего:

Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-79987-9

Аннотация

Новейшее исследование ведущих российских политологов говорит о том, что России к 2020 году предстоит пройти крутой поворот истории, но будущее – в ее собственных руках. Правильные решения способны вывести страну на ведущие мировые позиции, ошибки способны на десятилетия затормозить этот прогресс.

Геополитический прогноз «Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего» описывает основные тенденции, формирующие облик мира и место России в нем. Книга отвечает на 16 главных вопросов современного мирового развития, определяет возможные

сценарии для России и выводит прогноз наилучшего будущего для нее.

Издание подготовлено аналитическим агентством «Внешняя политика». В подготовке исследования также приняли участие приглашенные эксперты из МГИМО (У) МИД России, НИУ ВШЭ, ИМЭМО РАН и ИСК РАН.

Содержание

Введение	6
Глава 1	35
Глава 2	61
Глава 3	106
Глава 4	134
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего

© Безруков А.О., Сушенцов А.А., ред. – сост., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Введение

Сценарии тревожного будущего

Безруков Андрей Олегович – советник президента компании «Роснефть», доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России. Магистр государственного управления, выпускник школы имени Дж. Кеннеди Гарвардского университета. Полковник разведки в отставке. В США руководил консалтинговой компанией в сфере стратегического планирования. Его публикации посвящены проблемам стратегического прогнозирования, новых форм конфликтов, внешней политики США.

Мы живем в удивительный, переломный период времени. Это время неопределенностей, время перемен, время движения. После турбулентных 1980#х и кризисных 1990#х нам казалось, что Россия наконец прошла зону штормов и теперь ее ждет если не совсем спокойное, то все-таки предсказуемое плавание.

Однако борьба России за свое место в мире еще не закончилась. Незавершенность нашего пути – это следствие места России между цивилизациями Европы, ислама и Востока. И если наша цивилизационная

граница на востоке понятна, на западе и юге она находится в постоянном движении. И Запад, и Юг всегда пытались расширить зоны своего влияния за счет России. В течение последних двадцати лет, истощенная «холодной войной», наша страна, наша цивилизация отступала. В 2014 году она прекратила отступать. Но Запад не остановился. В результате столкновения раскололась Украина, льется кровь на Донбассе.

Именно в это время нам особенно хочется понять, куда идут мир и наша страна. Что стоит за сегодняшним кризисом? Когда начнется экономический рост? Что будет с ценами на нефть? Как долго продлится столкновение России и Запада? Затронет ли кризис Китай? Что произойдет с Европой? Сохранится ли мир на Кавказе?

Для миллионов наших сограждан ответы на эти вопросы имеют не только философское, но и огромное практическое значение.

Цель этой книги – заглянуть в наше ближайшее будущее, в мир 2020 года

Пять лет – это много или мало? Это зависит от того, как быстро движется история. А она движется скачками. В кризисные времена она просто летит, сплетая

события в тесный клубок. Вспомните, с чего мы начали прошлый, 2014 год и чем его закончили!

Ускорение исторического времени зависит от нарастания потока информации, от наполненности времени критически важными событиями, которые меняют наше представление о мире, заставляют нас принимать решения, адаптироваться к новой ситуации.

Войны, будучи наполненными такими событиями, приносят гигантское ускорение истории, а Россия де-факто находится в ситуации войны за свое существование как суверенная, независимая держава. Вполне возможно, что через пять лет Россию будет не узнать. Украину тоже будет не узнать. А может быть, и всю Европу.

Вспомните, как изменилась Россия за пять лет столет назад – с 1915 по 1920 год. Это были практически разные страны совсем в другом мире. В мире, который сам не мог понять, что и почему с ним произошло. Могут ли нас ждать перемены подобного масштаба?

Способны ли мы понять будущее?

Если наша цель – предсказать, что и как произойдет, то это невозможно. Наша задача не предугадать завтрашний мир, а предупредить читателя о том, что возможно. Помочь ему заглянуть в 2020 год, приме-

рить его на себя, увидев несколько картинок вероятного грядущего.

Конечно же, жизнь сложнее всех наших представлений о ней. Однако любое будущее состоит из возможного и невозможного. Убрав второе, мы можем увидеть контуры первого.

Каким же образом мы можем определить рамки возможного?

Во-первых, подавляющее большинство событий международной жизни не случайно. Они предопределены тенденциями экономического и технологического развития, политическими и социально-культурными процессами. Поняв, какие процессы формируют завтрашнюю международную обстановку, мы сможем в общих чертах увидеть, что нас ждет. Многие демографические и экономические тенденции имеют долгосрочный характер и хорошо поддаются экстраполяции, особенно в пределах относительно короткого пятилетнего периода.

Во-вторых, географическое положение также диктует определенные рамки поведения. Страны не вольны выбирать своих соседей, переставлять местами моря и горы. Народы не могут отказаться от своей культуры, истории и религии. Конфликты за ресурсы и влияние продолжаются веками. Поведение в прошлом формирует поведение в будущем.

В-третьих, история повторяется. Уинстон Черчилль был не первым, кто заметил, что «чем дальше ты заглянешь в историю, тем дальше ты увидишь будущее». Логика многих процессов циклична. За урожаями идут неурожаи, империи возникают и разваливаются, левые сменяют у власти правых.

Наша методология прогноза опирается на выявление ряда ключевых трендов, формирующих международную среду и их последующую экстраполяцию таким образом, что один из вариантов предполагает ускорение тренда, а второй – его замедление. Другими словами, мы определяем «вилку возможностей» для развития ситуации.

На картинку будущего, образованную трендами, накладываются события, предопределенные логикой международной жизни и внутренних процессов в государствах. Стареющие лидеры не останутся навечно, избирательный цикл повторяется каждые четыре-пять лет, а начатые переговоры в любом случае кончатся результатом – позитивным или негативным. Каждый раз мы можем выделить несколько наиболее ожидаемых важных, поворотных событий и отслеживать их уменьшающуюся или увеличивающуюся вероятность. Выбрав несколько таких определяющих событий, мы можем построить картинку того, как изменится международная обстановка.

Такие картинки будущего называются сценариями. Это истории из будущего. Для нас они важны не тем, как близко мы сможем подойти к будущей реальности, а тем, насколько они смогут помочь читателю оторваться от сегодняшних априори и увидеть мир другими глазами – глазами 2020 года. Если, увидев будущий мир и будущую Россию, читатель задумается над тем, стоит ли поступать так, как он планировал ранее, – задача сценариев достигнута.

Однако, как хорошо бы мы ни планировали, жизнь каждый день преподносит сюрпризы. Люди совершают ошибки. Революции неожиданно сметают правительства. Никто не мог предвидеть научные открытия, которые кардинально изменили мир. Вулканы и вирусы не просят разрешений. Только прошлый год принес несколько больших сюрпризов, таких как Крым, «Эбола» и ИГИЛ. Нам останется только надеяться, что сюрпризы перевернут не все наши прогнозы.

Нет смысла пытаться предугадать, каким именно образом развернутся события. Главное – уловить их направление и суть, чтобы лучше подготовиться к жизни в будущем мире. Иначе будущее застанет нас врасплох.

Итак, куда же движется современный мир?

По нашему мнению, современную международную ситуацию можно представить как наложение проблем, свидетельствующих о смене парадигмы глобального развития. Речь идет о прогрессирующем распаде системы экономических и политических взаимоотношений, созданной Соединенными Штатами и их союзниками после Второй мировой войны. Мир вырос и изменился, ломая засохшую скорлупу системы концептуальных постулатов и международных институтов, которые лежали в ее основе.

На фоне атрофии этой системы **происходят глубокие изменения в структуре мировой экономики, связанные с исчерпанием потенциала роста на базе нынешнего технологического цикла и зарождением нового уклада.** Мы разделяем точку зрения, что современный технолого-экономический цикл, в котором богатство наиболее эффективно создавалось в секторах, связанных с информационными технологиями, фармацевтикой и энергетикой, постепенно уступает место новому, в котором наиболее востребованными станут технологии биоинженерии и «умных» информационных сетей. Однако в то время, как ведущие отрасли мировой экономики замед-

ляют свой рост, новые еще не способны стать основными генераторами доходов. В результате бизнесы, правительства и рядовые граждане обречены на конфликт из-за дележа пирога, который не только не растет так быстро, как хотелось бы, а кое-где даже и сокращается.

Как результат этих двух основных проблем международная система столкнулась с целым набором кризисов различной природы, глубины и интенсивности. Не претендуя на полноту, посмотрим на основные факторы, которые дестабилизируют как внутривнутриполитическую ситуацию в подавляющем большинстве стран, так и глобальную ситуацию в целом.

Усиливается институциональный и политический кризис атлантизма как системы, претендующей на управление все более «неатлантическим» миром. Всеобъемлющая глобализация и эмансипация привели к тому, что состав руководства ключевых международных организаций, задающих правила игры в сферах экономики и безопасности – Мирового банка, МВФ, Совета Безопасности ООН, – все менее и менее отражает соотношение реальных сил. Все больший вес набирают независимые региональные игроки – Иран, Турция, Индия, Бразилия, ЮАР и другие. Как следствие борьбы за передел экономического и политического влияния, растет между-

народная напряженность. В результате американских попыток сохранить свое глобальное доминирование и контроль над периферией соперников обостряется противостояние США с Китаем и Россией.

Идет эрозия глобального правового порядка, ослабление или намеренный подрыв суверенитета государств. Усиливаются попытки США навязать миру экстратерриториальность своей полицейской и судебной системы. Под сомнение поставлен принцип незыблемости границ. Как следствие, растет число непризнанных государств. Углубление противоречий между ведущими мировыми силами парализует систему ООН.

На базе региональной экономической консолидации ускоряется регионализация международных отношений. Как следствие все более активной роли глобальных корпораций, общественных организаций и отдельных граждан в условиях глобального информационного поля, международные отношения приобретают многомерность.

На наших глазах разворачивается кризис идентичности цивилизаций, ищущих свои новые роли в изменившемся мире. **Обостряется борьба за национальную и религиозную идентичность и самоопределение, за передел границ по национальному и религиозному принципу.** Растет число кон-

фликтов под этническими и религиозными лозунгами. Европа оказалась в тупике светской толерантности. Православие ищет свою миссию. В США консервативные протестантские движения перекроили Республиканскую партию. И Иран, и Турция, и радикалы ИГИЛ претендуют на то, чтобы определять дальнейший путь ислама. Передним краем религиозных столкновений становится Африка.

Очевиден кризис глобальной модели развития. Экономический рост замедляется как результат исчерпания потенциала прежнего технологического цикла. Экономика и поведение людей изменились, но новая модель устойчивого роста пока не найдена. Коммунизм вышел из конкурентной борьбы за умы. Азиатская «экспортная» модель, в китайском или ином варианте, вряд ли продержится еще одно поколение. Либеральная модель «вашингтонского консенсуса» работает только в США, и то пока печатаются деньги. **По мере того как экономический центр мира опять сдвигается на восток, размывается влияние американской экономической системы, теряют вес ее основные элементы – доллар, контроль над мировыми финансами, лидерство в сферах технологии и образования.**

С ростом конкуренции между США, Евросоюзом, Китаем, Японией и другими экономическими центра-

ми обостряется борьба за контроль над рынками сбыта и важнейшими ресурсами – человеческим потенциалом, энергоносителями, чистой водой, пригодной для сельского хозяйства земель, благоприятной средой для бизнеса. Соединенные Штаты, формируя трансатлантическое и транстихоокеанское партнерства, берут курс на отход от универсального режима торговли, на передел экономических связей «под себя», на выдавливание своих конкурентов, прежде всего Китая.

Как результат экономического кризиса быстро растет социальное неравенство. В ведущих индустриальных странах дети уже живут хуже их родителей. **Растут социальный пессимизм и социальная напряженность, углубляется конфликт между правительствами и их гражданами по поводу распределения сокращающихся доходов.** В то время как люди требуют справедливости, государства пытаются организовать тотальный контроль над своими гражданами, особенно над их финансами. В ближайшей перспективе мы увидим сначала спорадическое, а затем и организованное движение протеста против засилья «большого брата». Джулиан Ассанж и Эдвард Сноуден – только первые ласточки.

На фоне роста социальной напряженности очевиден кризис идеологий. **Перед нами «глобальный**

диалог глухих» – в то время как основная масса населения мира требует справедливости, «золотой миллиард» продолжает навязывать концепцию индивидуальной свободы, которая все больше очищается от ответственности и превращается во вседозволенность, в желание «быть Чарли» независимо от последствий. Политический центр, атрибут сильного «среднего класса», размывается, радикалы и популисты-демагоги завоевывают медийное поле. В то же время через несколько лет на арену выйдет совсем новое поколение, чья сознательная жизнь началась в Фейсбуке. Трудно предугадать, как они повлияют на политику.

Если «низы не хотят», то «верхи» Запада пока что «плывут по течению» – налицо явный кризис лидерства. **В Европе бюрократы, приведенные к власти системой, построенной в «тучные годы», продолжают прятаться от решений, которые неизбежно принесут боль. Американские политические элиты заняты взаимными разборками; внешнеполитическая бюрократия США – на автопилоте, который не переключался со времени «холодной войны».** Как бы ни суетилась «Большая семерка», но реальная внутривнутриполитическая и внешнеполитическая инициатива принадлежит лидерам «остального мира» – Моди, Си Цзиньпину, Эрдогану, Путину, Рус-

сефф, Видодо.

Проблема мирового сообщества заключается не столько в остроте каждого из кризисов, сколько в том, что они носят глобальный характер и, наслаиваясь друг на друга, создают ситуацию, которая выходит далеко за рамки возможностей и компетенции национальных правительств. Власти каждой из стран, принимая решения в соответствии с пониманием своих интересов, зачастую усугубляют положение своих соседей. Борьба за влияние между странами и блоками, слабость и ангажированность международных институтов, да и новизна многих проблем не позволяют выработать эффективные ответы на все более острые стоящие вызовы.

Каждый кризис порождает большое число неудовлетворенных, часто озлобленных людей. Необходимым образом эти люди, считающие себя жертвами тех, кто правит, соберутся вместе. Это могут быть мелкие группы и отдельные протесты. Это могут быть большие организации, у которых найдутся талантливые лидеры. Так было всегда. Так будет и на этот раз.

Альтернативные сценарии будущего

Для наглядности нашего прогноза мы хотели бы предложить читателю две-три альтернативные кар-

тинки 2020 года, сделанные на основе предполагаемых событий в ключевых сферах и регионах. Сами альтернативы можно сформулировать как ответы на ряд вопросов, отражающих, в несколько упрощенном виде, главные неопределенности сегодняшней международной среды.

- Выйдет ли глобальная экономика на путь устойчивого роста или она будет продолжать топтаться на месте?

- Останется ли Евросоюз политически аморфной, экономически противоречивой группой под политическим влиянием США или он консолидируется в более компактную организацию с общей экономической политикой и собственным голосом на международной арене?

- Сможет ли Украина построить жизнеспособное государство в новых границах или ее ждет развал на зоны влияния и продолжение гражданской войны?

- Выберут ли США курс на создание нового баланса сил с учетом изменившихся реалий или они будут продолжать политику подавления своих конкурентов силой?

- Станет ли Восточная Европа вооруженным «санитарным кордоном» против России или мостом между Европейским и Евразийским союзами?

- Удастся ли Китаю найти экономическое, внутрипо-

литическое и геостратегическое равновесие в условиях замедления темпов развития или страну ждет период внутренней и региональной нестабильности?

- Пойдет ли исламский мир по пути все большей дестабилизации или он найдет формулу, которая приведет его к стабилизации и возрождению?

- Спровоцируют ли Россию на военные действия на периферии своих границ или ей удастся сохранить мир?

- Охватит ли Евразийская зона свободной торговли пять или целый десяток стран, включая Турцию, Иран, Азербайджан, Украину и страны Центральной Азии?

- Останутся ли у власти левые режимы в Латинской Америке?

- Обретут ли реальную силу БРИКС и Шанхайская Организация Сотрудничества?

- Станут ли реальностью трансатлантическое и транстихоокеанское партнерства?

- Смогут ли Китай и США сохранить стабильность во взаимоотношениях, несмотря на неизбежное изменение в соотношении сил?

- Перенесет ли США военное противостояние в космос и Интернет?

- Останется ли Арктика зоной мирного развития или она станет ареной политической и военной конкуренции?

Ответив на эти вопросы, можно собрать много картинок 2020 года, но для наглядности взглянем на две самые контрастные. Начнем со сценария, более или менее благополучного для России.

К 2020 году мировая экономика постепенно набирает темп. Сначала США, а потом и Европа оставляют позади десятилетие долгового кризиса. Китайские темпы роста уже не те, что пять, а тем более десять лет назад, но это не приводит к экономическому коллапсу и социальному взрыву. Даже цена на нефть постепенно возвращается в комфортную для большинства стран зону вокруг 90 долларов за баррель.

Новая, республиканская, администрация США решила снизить градус конфронтации с Россией. О разрядке говорить пока рано, но политический диалог начался. В отсутствие перспектив «горячей войны» в Европе Пентагон вновь заговорил об американской уязвимости в Азии и в киберпространстве.

Восточная Европа более не пестрит «заявлениями о неизбежной российской агрессии». Перед правительством Украины стоит тяжелейшая задача возрождения экономики и социальной ткани общества, потрясенного войной, как и выстраивания но-

вых отношений с соседями. Но худшее уже позади.

Потепление в отношениях позволило европейским странам отменить большинство санкций, введенных против России. Опять заговорили о «европейском доме от Лиссабона до Владивостока». Российская экономика и рубль постепенно возвращаются к состоянию, в котором они были до начала украинских событий, однако атмосфера кризиса еще ощутима.

Выборы в Германии и Франции привели к власти новые команды, которые позволили поставить вопрос о реформе Евросоюза. В рамках недавно подписанного трансатлантического партнерства у европейских стран нет другого выхода, кроме срочного повышения своей конкурентоспособности. Однако у членов Евросоюза существуют диаметрально противоположные мнения о том, как ее достичь. На повестке дня деление стран на «ядро», готовое к более глубокой, в том числе политической интеграции, и всех остальных, не готовых делиться суверенитетом. Франция колеблется, раздираемая дебатами между «европейцами» и «националистами», но склоняется ко входу в «ядро». Германия, несмотря на раздражение всех остальных, должна сказать последнее слово.

Несмотря на сложные межгосударственные от-

ношения, государства Закавказья сумели найти возможность укрепить региональную транспортную инфраструктуру, которая позволяет им воспользоваться плодами растущих торговых связей в треугольнике Турция – Иран – Россия. Идут консультации об ассоциации этих стран с Евразийским экономическим союзом.

Центральная Азия прошла через болезненный процесс смены национальных лидеров, однако отдельные акты межэтнического насилия и терроризма не привели к региональному взрыву, частично из-за успешной работы структур ОДКБ и ШОС, частично из-за улучшения экономической конъюнктуры, в которой инфраструктурные проекты, оплаченные Китаем, сыграли важную роль.

Хотя будущее границ на пространстве между Средиземным морем и Персидским заливом не вполне ясно, война радикальных исламских группировок в Сирии, Ираке и Иордании выдохлась. Радикалы ушли в подполье. Немалую роль в этом сыграл Иран, который после урегулирования ядерного вопроса взял на себя роль гаранта региональной стабильности. Однако беспокойство вызывает судьба Саудовской Аравии, где процесс смены поколений в королевской семье пришелся на момент, когда региональное влияние страны поставлено под вопрос.

АСЕАН продолжает свой путь региональной интеграции. Хотя территориальные споры вокруг островов Южно-Китайского моря никуда не делись, основные региональные игроки – Индия, Вьетнам, Индонезия – пока фокусируются на внутренних проблемах роста. Основная игра идет вокруг конкурирующих предложений по конфигурации будущего пантихоокеанского режима свободной торговли. Япония делает шаги к более активной роли в регионе и к диалогу с Китаем и Россией – но пока осторожно.

В Латинской Америке Бразилия еще более закрепила за собой статус лидера. Все более привлекает внимание инвесторов Мексика. По всему континенту чувствуется растущее влияние Китая. Оно особенно заметно в Никарагуа, Венесуэле и Кубе, где проекты межокеанского канала, добычи тяжелой нефти в бассейне Ориноко и новый портовый комплекс в Мариэле начинают серьезно менять динамику развития региона. Вслед за американским бизнесом американская администрация, подыгрывая растущему влиянию «латинос», начинает реально задумываться о своей долгосрочной политике на южном направлении.

В турбулентный период 2014–2016 годов БРИКС показал себя как фактор стабильности и разума

в мировой политике. В организацию просятся все более самостоятельная Индонезия и вышедший из-под санкций Иран. Рост цен на нефть и снятие санкций с России вновь вывели тему арктического сотрудничества на первые полосы газет.

Однако ничто не обещает, что гроза обойдет нашу страну стороной, а мир обойдется без серьезных потрясений. Худшая альтернатива для России могла бы выглядеть примерно так...

2020 год мировая экономика встречает в болезненном состоянии. Американский экономический подъем, на который возлагали столько надежд, не только не привел к чувствительному глобальному ускорению, но и сам существенно замедлился. Политика Европейского Центрального банка обогатила банкиров, но не решила главных проблем европейской экономики. Более того, отдав инициативу центральным банкам стран ЕС, ЕЦБ, с немецкой подачи, открыл двери процессу дезинтеграции. На фоне проблемной мировой конъюнктуры экономика Китая дала первый реальный сбой, на который руководство страны ответило резким «закручиванием гаек», а население – переводом денег за рубеж всеми возможными средствами. Нефть, несмотря на военные действия в нескольких регионах мира,

так и не поднялась выше 70 долларов за баррель. ОПЕК практически перестала быть эффективной организацией.

Новая, республиканская, администрация США сделала ставку на выход из кризиса через рост военных расходов, благо это позволяет одновременно перекрыть ситуацию в ключевых регионах в свою пользу. В Европе это выразилось в создании в Восточной Европе военного блока стран от Балтики до Черного моря, который отрезал Россию от Западной Европы. Евросоюз практически парализован как экономическая и политическая организация. Переговоры о создании трансатлантического партнерства близки к завершению, но против соглашения выступают как правые, так и левые радикалы, которые в нескольких странах уже находятся в одном шаге от власти.

«Горячая война» на Донбассе выдохлась, однако ключевые вопросы так и не решены. Националисты, контролирующие власть в Киеве, просят в созданный американцами Восточноевропейский военный блок и, чтобы отвлечь внимание от экономического коллапса, нагнетают напряженность вокруг Крыма.

С российского Северного Кавказа постоянно идут сводки о терактах и боестолкновениях. Более того,

с угрожающей частотой приходят сводки о взрывах в глубине России, в том числе и в столице. ФСБ, ссылаясь на войну, «развязанную ЦРУ против России», периодически демонстрирует по телевидению пойманных иностранных «джихадистов», впрочем, не только из исламских стран.

Сама Россия, фактически отрезанная от мировой экономической системы, налаживает новую экономику, где государство играет роль ведущего инвестора и жесткого регулятора. Несмотря на начавшийся рост производства, инфляция не дает расти уровню реальных доходов.

Южнее армии Грузии и Азербайджана спешно перевооружаются, впрочем, как и Армения. Война буквально «висит в воздухе». А в Центральной Азии она уже идет. Во всем регионе только Казахстан сохранил стабильность после смены лидера. Ферганская долина опять вернулась к тому состоянию, в котором она была в переходную эпоху 1990#х. В Таджикистане и Киргизстане силы ОДКБ, в основном российские, контролируют крупные центры и лагерь беженцев, но есть ли у кого-то реальный контроль над остальной территорией, не всегда понятно, точно так же, как и в Афганистане.

Еще сложнее обстоят дела в арабском мире. Появление на сцене ИГИЛ и дестабилизация Сирии

и Ирака практически упразднили границы в регионе. Администрация Обамы, приняв решение об эскалации конфликта с Россией и не завися от ближневосточной нефти, оставила решать проблему ИГИЛ самим государствам региона, цинично пообещав «поддерживать их материально», разумеется, не бесплатно. У европейских союзников, особенно Франции, свои проблемы с исламскими радикалами, только теперь уже у себя дома. В этих условиях Турция и Иран сделали то, что им оставалось сделать, – двинулись на юг наводить порядок. Для прессы – «руками курдов и иракцев». В результате саудовцы не только оказались нос к носу с частями стражей исламской революции, но и получили в нагрузку на своих границах боевиков. Борьба за наследство между принцами никак не упрощает ни ситуацию в королевстве, ни договороспособность ОПЕК.

Республиканская администрация США отреагировала на возросшую внутреннюю напряженность в Китае активизацией своих союзников на китайской периферии под предлогом сдерживания «роста китайской агрессивности». Япония открыто перевооружается. И не только Япония. Практически все страны региона – Южная Корея, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Филиппины, а также Индия и Австралия – живут в ожидании неминуемого ази-

атского конфликта.

Для Латинской Америки последние пять лет были непростыми. Замедление экономик континента резко обострило внутривнутриполитическую ситуацию в странах, которые и при хорошей конъюнктуре не отличались стабильностью. В Венесуэле чависты были вынуждены уйти в оппозицию. Обострилась ситуация на Кубе. В Бразилии и Аргентине произошел явный сдвиг вправо.

Падение интереса со стороны Бразилии, конфликты вокруг России, проблемы в Китае и внутренний фокус Индии привели к тому, что БРИКС за пять лет почти не добился прогресса. На фоне конкурирующих заявок на контроль шельфовых зон сотрудничество стран Арктического совета тоже оказалось «замороженным».

Не склонный к эмоциональным заявлениям, бывший Государственный секретарь Соединенных Штатов Колин Пауэл назвал грядущие несколько лет «революционными». Но неизбежен ли революционный скачок? Взорвется ли мир новым вооруженным конфликтом под тяжестью своих противоречий? Признавая наличие многих условий для революционного сценария, нам инстинктивно хочется верить, что нет. Однако это противоречит всему историческому опыту.

Такие глубокие перемены в раскладе сил на международной арене редко разрешались без вооруженного конфликта. Никто не хочет рисковать войной. Но этого не хотели и в 1914 году. Просто логика публично-го конфликта ставит политиков в ситуации, из которых они не видят другого выхода. Даже если наличие ядерного оружия лучше, чем когда-либо, удерживает крупнейшие державы от авантюр, противники не перестанут искать способы решить споры и свести счеты всеми доступными средствами – прямо или опосредованно.

Неудивительно, что последним словом стала война теми средствами, которые доступны, а по-простому – война всеми доступными средствами – «многомерная» война. В ход идет новый арсенал информационных, политических, финансовых, экономических и других мер удушения противника, пусть не таких громких, но столь же разрушительных. Как говорят, если просто бросить лягушку в кипяток, она из него выпрыгнет. А если посадить ее в воду и постепенно поднимать температуру, то она сварится. Расчет идет на то, что лягушка – в данном случае Россия – этого вовремя не поймет.

Россия в центре мирового урагана

Замедление экономического роста в Европе и Китае и соответствующее падение цен на ряд ресурсов, прежде всего на энергоносители, сильно ударили по российской экономике. Политически Россия приняла на себя удар всей атлантической группировки во главе с США, рассчитывающих санкциями, изоляцией и давлением загнать Россию на место, определенное для нее Западом. В России и ее ближайшем окружении, как нигде, очевидны взаимовлияние и конкуренция культур, религий и цивилизаций, которые ставят под вопрос существующие границы.

Россия еще полностью не почувствовала последствий стагнации, санкций и обвала цен на нефть. Даже если правительство будет способно выполнять свои бюджетные обязательства, удар инфляции и трудности с финансированием основной массы бизнеса скоро станут тяжелой реальностью. Нет сомнения, что будет еще хуже, перед тем как станет лучше.

В этой ситуации страна не может просто плыть по течению, принимая все новые удары. Однако выработку перспективной российской политики затрудняют внутривнутриполитические разногласия. Обнажаются противоречия между интересами сформировавшейся

ся к началу 2000#х экономической элиты, вышедшей из экспортно-сырьевой модели экономики, и интересами долгосрочного развития страны как самостоятельной индустриальной державы.

Постепенно набирают политический вес силы, осознающие национальный интерес бизнеса и общества в целом в ускоренной реиндустриализации России. Идет борьба за влияние на государственные рычаги между группами элит, ориентированными на «либерально-финансовую» и «индустриально-государственную» модели развития.

Открытый конфликт с Западом, особенно тот факт, что экономическая война против России остро поставила вопрос о диверсификации экономики и экономическом суверенитете, серьезно обострила этот конфликт и вывела его из кулуаров в сугубо практическую, политическую, медийную плоскость.

Перед страной стоит выбор пути дальнейшего развития. В перспективе до 2020 года можно ожидать окончательного формирования национальной бизнес-элиты с самосознанием, основанным на современных конкурентных реалиях России, и постепенный уход поколений, чьи идеи и интересы были результатом опыта советского или переходного периода. Можно сказать, что траектория развития России и ее успех будут зависеть от способности российских

элит осознать глубину и революционность необходимых перемен, правильно определить факторы успеха страны в новом мире и мобилизовать потенциал всего народа.

Россия была хорошим учеником в международной школе поведения по ялтинским правилам, даже если в этой школе у нее не было друзей. Ялта признала за игроками наличие сфер жизненных интересов и согласовала соответствующие правила игры. Однако всему приходит конец: нельзя нарушать дух закона, одновременно требуя исполнения его буквы. Символично, что эпоха, начавшаяся в Крыму, в Крыму и закончилась.

Пока не будут опубликованы мемуары нынешних западных лидеров, не будет до конца понятно, является ли наступление на Россию лишь попыткой преподнести ей урок послушания, который по инерции зашел слишком далеко, или это действительно последняя отчаянная попытка предотвратить «бунт на корабле», попытаться изо всех сил удержать мировую систему от выхода из-под западного контроля.

У нас есть ощущение того, что точка невозврата в отношениях Запада со всем остальным миром уже пройдена. Никто более не сможет заставить такие страны, как Индия или Бразилия, пренебречь своими национальными интересами. Вместе Китай и Россия,

даже ослабленные кризисом, неуязвимы для США. Чем больше усилий США и НАТО прилагают для изоляции и демонизации России, тем более очевидны пределы их влияния.

Так или иначе, если Россия устоит до 2020 года, если все попытки ее противников не приведут к экономическому коллапсу, хаосу и распаду страны, то можно будет с уверенностью сказать, что доминированию Запада пришел конец. Это значит, что международные отношения официально вступят в новую эру. И наша страна вступит в новую эру. Следующие пять лет будут переломными и судьбоносными – как для мира, так и для России.

Глава 1

Россия и Запад: центральный конфликт?

Маркедонов Сергей Мирославович – политолог, кандидат исторических наук (1999). Ведущий аналитик агентства «Внешняя политика», доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, колумнист журнала «Профиль». Его публикации посвящены этнополитическим конфликтам, проблемам национализма, сепаратизма, де-факто государств постсоветского пространства, а также вопросам взаимоотношений России и Запада в Евразии. Автор книг «Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства» (2012), «Турбулентная Евразия» (2010), «Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политических процессах Кавказского региона» (2005). Украинский политический кризис стал самым серьезным и опасным вызовом для европейской безопасности после распада Югославии и серии этнополитических конфликтов на Балканах. Он вызвал к жизни самое глубокое противостояние между Россией, США

и Европейским союзом за весь период после окончания «холодной войны», роспуска Организации Варшавского договора и распада Советского Союза, одного из полюсов биполярного мира.

Расхождения между Москвой с одной стороны, Вашингтоном и Брюсселем – с другой существовали и ранее. Самым ярким примером такого рода стала «пятидневная война» 2008 года в Закавказье, когда попытки грузинских властей разгромить инфраструктуру непризнанной республики Южной Осетии и выдвинуть Россию из процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта привели к открытому вмешательству Вооруженных сил РФ. Однако нынешняя конфронтация происходит на фоне осознания Москвой краха попыток постсоветской России интегрироваться в западный мир с сохранением своей «особой позиции» по ряду вопросов – в первую очередь безопасности своего «ближнего соседства».

Начиная с марта 2014 года США заморозили инвестиционное и военное сотрудничество с Россией, а также на неопределенный срок перенесли конференции и переговоры в двустороннем формате. Доминирующим форматом общения высших представителей двух стран стал телефон. По справедливому замечанию министра иностранных дел России Сергея Лаврова, «иногда нам кажется, что нас слышат».

В то же время нет оснований говорить о том, что Вашингтон готов прислушиваться к аргументам Москвы. Практически единственной за весь 2014 год совместной инициативой Москвы и Вашингтона (с участием также представителей Брюсселя и Киева) стало Женевское заявление от 17 апреля по деэскалации конфликта на юго-востоке Украины, принятое вскоре после начала так называемой «антитеррористической операции» (АТО). Однако практической реализации эта инициатива не имела и была сорвана после разрастания противостояния вокруг Славянска.

В сентябре 2014 года был опубликован список предприятий, попадающих под новую волну санкций со стороны США. Они затронули прежде всего «Газпром» и ряд оборонных предприятий. Американский президент Барак Обама 18 декабря подписал принятый конгрессом «Акт в поддержку Украины», позволяющий ему принимать решения о введении дополнительных ограничительных мер в отношении России, а также оказывать военную помощь Украине, а еще через день были введены дополнительные санкции в отношении Крыма.

Как показали события прошлого года, дипломатические форматы без участия США (так называемая «норманнская четверка» в составе РФ, Германии, Франции и Украины и «минский процесс» с вовлече-

нием в переговоры представителей двух непризнанных республик Донбасса и украинского экс-президента Леонида Кучмы) не стали сколько-нибудь эффективными, поскольку не включали в себя США. Во многом именно от диалога между Вашингтоном и Москвой зависит не только успешное разрешение украинского кризиса, но и повышение качества всей европейской безопасности.

Впрочем, одними только российско-американскими отношениями противостояние РФ и Запада не ограничивается. С марта 2014 года НАТО приостановило проведение гражданских и военных встреч с российскими представителями и планирование совместных учений. Находясь 7 августа 2014 года в Киеве, тогдашний генсек альянса Андерс Фон Расмуссен заявил, что Североатлантический блок прекращает сотрудничество с РФ. И Россия, и Запад обменялись друг против друга экономическими санкциями. И хотя 5 сентября 2014 года в Минске был подписан протокол о прекращении огня и обмене заложниками, а в течение всей последующей недели ЕС и США не высказывали заметных претензий в адрес Москвы, 12 сентября вступили в силу новые ограничения против России со стороны Евросоюза. Так, ЕС запретил организацию долгового финансирования для трех топливно-энергетических компаний Рос-

сии – «Роснефти», «Транснефти», «Газпромнефти». Брюссель также ввел запрет на торги облигациями этих компаний со сроком обращения свыше 30 дней и участие в организации выпусков таких бумаг. Евросоюз также ужесточил ограничения на предоставление займов и инвестиционных услуг для пяти российских банков и дискриминационные меры в отношении ряда оборонных концернов, а в декабре специально запретил инвестирование в Крым и Севастополь.

Политика санкций хотя и не стала единственной причиной для замедления темпов экономического роста и финансового кризиса в РФ, но внесла свой вклад в развитие событий по негативному сценарию.

На этом фоне внутри России значительно укрепились «оборонные настроения». Политики и публицисты, которых еще вчера рассматривали в качестве маргиналов, на глазах превратились едва ли не в главных выразителей общественного мнения и трансляторов позиции власти. Представители официальных структур стали гораздо чаще апеллировать не только к внешнеполитическому реализму с его пафосом национальных интересов (что ранее выгодно отличало линию российской дипломатии), но и использовать арсенал романтических подходов (апелляция к «русскому миру», сакральности Крыма и т. п.). Противоречия с Западом актуализировали

поиск внешнеполитических альтернатив. Этим объясняется активизация Москвы на китайском, индийском, турецком и иранском направлениях по широкому спектру вопросов, начиная от военно-технического сотрудничества и энергетики и заканчивая гуманитарной проблематикой.

Из-за глубоких противоречий без должного внимания остались и те темы, по которым ранее у России и Запада были определенные наработки (Афганистан, урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта, противодействие исламистскому терроризму). Появление на Ближнем Востоке так называемого Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) не только серьезно дестабилизировало обстановку в регионе, и без того перегруженном конфликтами и противоборствами. Оно стало одновременным вызовом и для Запада, и для России. Уже сегодня силы ИГИЛ ведут борьбу против коалиции США и их союзников. В то же время лидер этой террористической структуры Абу Бакр аль-Багдади говорил о необходимости дестабилизации Северного Кавказа как об ответе за поддержку Москвой сирийского президента Башара Асада. Но даже появление этой новой угрозы не сделало Вашингтон и Москву сговорчивее.

С точки зрения США и их европейских союзников, действия Москвы стали выходом за рамки междуна-

родного права. «Президент Путин подорвал основы мирового порядка, и будущие провокации со стороны России нельзя предотвратить с помощью мягкого наказания. Перед лицом российской агрессии Украине требуется наша постоянная поддержка, выраженная в конкретных действиях, а не в расплывчатых заявлениях»¹. Процитированное выше высказывание принадлежит сенатору-демократу от штата Нью-Джерси, главе влиятельного комитета верхней палаты американского конгресса Роберту Менендесу. Заявления о нарушении Россией условий Будапештского меморандума (о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к договору о нераспространении ядерного оружия, был подписан 5 декабря 1994 года) стали общим местом в выступлениях представителей американского и европейского дипломатического и экспертного сообщества. Российское же руководство полагает, что итоги всенародного голосования в Крыму и в Севастополе дают основания говорить о легитимности «возвращения» полуострова. Само же нарушение правовых договоренностей объясняется внутри России, как правило, тем, что оно

¹ Pace J. and Riechmann D. Obama, Ukraine President To Meet At White House // Huffington Post. 18 September 2014. http://www.huffingtonpost.com/2014/09/18/obama-ukraine-poroshenko_n_5841892.html

не является эксклюзивным. Особенно это проявлялось в ходе событий в бывшей Югославии и на Ближнем Востоке, когда внешнее вмешательство в гражданские войны и этнополитические конфликты осуществлялось в обход ООН. Говорится также и о том, что действия Москвы продиктованы упорным нежеланием США и их союзников к равноправному диалогу с Москвой с учетом ее аргументов и интересов, в особенности в «ближнем зарубежье».

Противостояние без «холодной войны»

Политологи, политики и журналисты все чаще используют словосочетание «холодная война», характеризуя отношения между Западом и Россией. Можем ли мы говорить о возвращении к временам глобального противостояния или рассматривать Крым и Донбасс в качестве поворотного пункта в истории международных отношений преждевременно? И если так, то в чем кроется суть сегодняшних противоречий?

Прежде всего следует отметить, что сам термин «холодная война» историчен по своему происхождению. «Холодная война» – это реальность ялтинско-потсдамского мира, возникшего по окончании Второй мировой войны. Сегодня этот мир не существует. Его торжественные «похороны» провозгласили еще

на Пражском саммите НАТО в 2002 году, предопределившем пятое (и самое крупное с момента создания блока в 1949 году) расширение и открывшем путь в Брюссель и трем бывшим союзным республикам, и нескольким бывшим членам Организации Варшавского договора.

Формируется новый мировой порядок. При этом речь идет только об определении контуров этого миропорядка. Как они определятся окончательно, пока еще никто не может с большой долей уверенности предсказать. Ялтинско-потсдамский мир создавался друзьями-врагами, а потому он неизбежно базировался на «сдержках и противовесах», коими и стали, с одной стороны, нерушимость границ и территориальная целостность, а с другой – защита прав этнических меньшинств. Эти «сдержки и противовесы» обеспечивались как раз «холодной войной», т. е. противостоянием двух тогдашних сверхдержав – СССР и США – и группировавшихся вокруг них военно-политических блоков (ОВД и НАТО соответственно). Более того, это противостояние было не только и не столько военно-политическим, сколько идеологическим. С одной стороны, борьба за новое общество и советский коммунизм, а с другой – защита «свободного мира» от «тоталитарного монстра». «Холодная война» закончилась тогда, когда прекратили свое существо-

вание СССР, Варшавский блок, а коммунистическая идеология вошла в состояние глубокого кризиса.

Для признания текущего противостояния «холодной войной» не хватает нескольких принципиально важных признаков. Это – наличие второй сверхдержавы, военного блока, который бы формировался вокруг него, и идеологии, которая отличалась бы от установок и ценностей западного мира. ОДКБ и по количественным, и по финансово-экономическим показателям не вытягивает на роль «ОВД двадцать первого века». В России, несмотря на жесткую риторику, власти не собираются строить «общество нового типа» и распространять революционную идеологию по всему миру. Если же говорить о социально-экономической политике внутри страны, то, по меткому замечанию американского конгрессмена-республиканца Даны Рорабакера, «здесь путинская Россия намного больше похожа на Америку Рональда Рейгана, чем нынешние Европа и США»². Известный американский публицист и политик Патрик Бьюкенен в одной из своих статей оценил идеологические воззрения действующего российского президента как консервативные и близкие, а потому – близкие «подлинной Америке»³.

² Интервью автора. Москва, 20.02.2014.

³ Buchanan P. Is Putin one of us? // Town Hall. 17 December 2013. <http://townhall.com/columnists/patbuchanan/2013/12/17/is-putin-one->

При этом геополитические интересы Москвы гораздо более локальны по сравнению с советским периодом. Приоритетом постсоветской России является пространство бывшего Союза ССР. **Обеспечение безопасности в этой части мира видится не как восстановление «империи», не как счет к истории или как травма от советского распада, а как выполнение текущих актуальных задач.** В самом деле, сухопутная граница России и Казахстана является второй по протяженности в мире (она превосходит даже американо-мексиканский рубеж). И в случае коллапса безопасности в Афганистане (а он более чем вероятен с уходом НАТО оттуда) она становится опаснейшим вызовом для России. Если же говорить о Крыме, то после распада СССР он оставался местом сосредоточения почти 80 % всей инфраструктуры Черноморского флота РФ, одного из ключевых элементов безопасности южной части страны. Многие этнополитические конфликты на юге Кавказа напрямую связаны с проблемами безопасности Северного Кавказа (грузино-осетинский конфликт с осетино-ингушским, ситуация в Абхазии с положением дел в регионах со значительным адыгским населением, положение в Чечне и Дагестане с ситуацией в грузинском Панкиси). И даже там, где Россия вовле-

чена в разрешение проблем, выходящих за рамки границ бывшего СССР (Ближний Восток), Москва во многом решает задачи безопасности постсоветского пространства (угрозы, исходящие от радикальных исламистов российскому Северному Кавказу и Поволжью, а также соседним Грузии и Азербайджану). Эти взаимосвязи будут существовать вне зависимости от того, кто будет занимать пост президента России. Если же говорить о глобальном формате, то Москва, как и Пекин, не заинтересована в превращении США в «международного полицейского», коим по факту стал Вашингтон.

Таким образом, причиной сегодняшнего всплеска противоречий между Москвой, с одной стороны, Вашингтоном и Брюсселем – с другой, является не «вторая холодная война» и не идеологические разногласия, а асимметрия восприятия национальных приоритетов. У России и Запада разные точки отсчета того, с чего нарушается мировой порядок и международное право. Американцы и их союзники оценивают действия РФ как эксклюзивное нарушение европейских границ после Второй мировой войны. Но для Москвы нарушение международного права началось гораздо раньше, а украинско-крымский кризис – лишь последняя часть этого процесса. По справедливому замечанию известно-

го болгарского политолога Ивана Крастева, «Европа любит думать о себе как о стабильном континенте, но в действительности здесь за два десятилетия, начиная с 1989 года, было создано и разрушено больше государств, чем в любом регионе мира в любое время. Даже чем в Африке в период деколонизации 1960#х годов. 15 новых государств появились на месте СССР, 7 на месте бывшей Югославии и два на месте Чехословакии. Вдобавок к этому четыре «непризнанные республики» и еще другие, кто хотел бы пойти по их пути. Насилие на Балканах по сравнению с 1990#ми годами значительно снизилось. Однако многие из новых государств по-прежнему подвержены кризисам и нестабильности. Им угрожает слабая государственность (ее компоненты включают коррупцию, отсутствие качественной правящей элиты, легитимности, сепаратистские конфликты и «горячие точки»). На них оказывает влияние как глобальный экономический кризис, так и возможные вмешательства извне»⁴. Продолжая тезис Крастева, можно предложить сравнительный анализ двух списков. Тех стран, что поставили свои подписи четыре десятилетия назад под Хельсинкским заключительным актом 1975 го-

⁴ Цит. по: Иван Крастев о российских страхах и европейском порядке // Caucasus Times. 12 декабря 2010. <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20636>

да, и тех, которые имеются в Европе сегодня.

История с Украиной – это не спор о том, «кто первым начал». Это история отсутствия реально работающего международного права и эффективного международного арбитража для спорных вопросов, касающихся взаимоотношений центра и региона в кризисных условиях. Снова, как это уже было ранее на Балканах или в Закавказье, у ведущих мировых игроков не было консенсуса относительно четких критериев по поводу отделения или сохранения территориальной целостности. При подготовке к референдуму в Крыму (прежде всего в тексте Декларации о независимости) его организаторы апеллировали к казусу Косово. По справедливому замечанию австрийского политолога и юриста (специально занимающегося проблемами сецессии) Бенедикта Гарцля, «Международный суд ООН оказался не в состоянии обеспечить четких указаний в отношении последствий успешной практики сецессии в своем консультативном заключении по поводу законности Декларации о независимости Косово. В частности, его основным юридическим доказательством был тезис о том, что «международное право в целом не содержит применимого запрещения деклараций независимости». В соответствии с этой логикой власти других де-факто государств, включая и Абхазию, рассмат-

ривали возможности для своего признания. И хотя прямой запрет на декларирование независимости отсутствует, это не означает автоматически его явного разрешения и поощрения»⁵. Продолжая мысль австрийского эксперта, мы можем заключить, что такая двойственность и недоговоренность дает возможность для двойной политической бухгалтерии и спекуляций относительно того, что считается «правильным самоопределением», а что – не считается. И апелляция к Косово возникает всякий раз неспроста.

Но сама эта двойственность уходит корнями в годы, когда «холодная война» была торжественно объявлена завершенной, а для Европы и постсоветского пространства был предложен фактически один-единственный линейный проект, сфокусированный вокруг НАТО и Евросоюза. Интересно, что одна из главных натовских «заповедей» – Russia out – перекечевала из мира «холодной войны» в мир после нее. Линейный проект по расширению и приобщению Евразии предполагался без России как равноправного партнера. Де-факто Москве предлагалось стать одной из постсоветских стран, не имеющих особых интересов на просторах бывшего СССР.

⁵ Цит. по: Бенедикт Гарцль. Международное право в состоянии обеспечивать взаимодействие с де-факто государствами // Caucasus Times. 28 ноября 2013. <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21211>

Но если бремя глобального лидерства новая Россия была не готова нести (и не может в силу многих резонов, прежде всего экономических и технологических, делать это сегодня), то вопрос о «политике соседства» в значительной степени является продолжением внутривнутриполитической повестки дня. Связь конфликтов в Закавказье с Южным Кавказом, обеспечение безопасности в Центральной Азии и евразийская интеграция как возможность развития российского полиэтничного проекта и возможностей для развития собственной промышленной базы. Конечно, как правопреемник СССР в ООН Россия стремится по возможности сохранить роль бенефициария в этой структуре (постоянное членство в Совбезе) для недопущения глобального доминирования одной державы. И дело здесь даже не в имманентном антиамериканизме, а в понимании того, что реальной гармонизации мира силами одной державы не достичь.

Однако никакие «особые резоны» России, ее претензии на роль равного партнера вне форматов с натовской «золотой акцией» до сих пор не принимались. И все изменения границ, идущие в фарватере этого линейного прогрессистского проекта (при котором любое расширение альянса воспринимается как успех демократии и очередное поражение «тоталитарного прошлого»), приветствовались. Так было

с признанием независимости бывших республик Югославии и Косово, несмотря на конфликты, неурегулированные пограничные споры и проблемы с меньшинствами. Случаи же покушения на границы со стороны других игроков (в первую очередь России) блокировались. Но если в августе 2008 года Запад был пассивен из-за того, что Грузия не представляла для него первостепенного стратегического интереса, то Украина стала точкой перехода количества (недовольства российской политикой на постсоветском пространстве) в качество. Седьмая по численности населения (даже без Крыма) и вторая по площади страна в Европе не могла рассматриваться в качестве приза для России. Такая ломка тренда была вызовом порядку, который установился в Европе «после Ялты».

Но нежелание «отдавать» Москве Украину вступает в противоречие с неготовностью Запада полностью рвать с Россией. Подтверждением чему служит сентябрьский саммит 2014 года НАТО в Ньюпорте. В Уэльсе Украина не получила Плана действий по членству (ПДЧ). По итогам рассмотрения «украинского вопроса» альянс сделал заявление о своей поддержке Украины перед лицом российской политики «дестабилизации». НАТО также призвало Россию «отозвать свои войска» с территории Украины и «прекратить незаконную аннексию Крыма». Одновремен-

но с этим Андерс Фог Расмуссен (покинувший пост генсека альянса 1 октября 2014 года) сообщил, что основополагающий акт Россия – НАТО 1997 года остается в силе, хотя Россия якобы «допустила серьезные нарушения его принципов». Как известно, в акте был зафиксирован принцип отказа от применения военной силы во внешней политике, а также подтвержден главный тезис декларации РФ и НАТО о том, что они больше не считают друг друга противниками.

В то же самое время и Москва также опасается переступить через «красные линии». В пользу этого вывода говорит неготовность российского руководства признать независимость двух республик Донбасса (Луганской и Донецкой) и, напротив, стремление к урегулированию конфликта на юго-востоке Украины путем многостороннего диалога со всеми заинтересованными сторонами, включая и США. По справедливому замечанию академика Евгения Примакова, новый виток эскалации с Западом (а значит, либо полный разрыв, либо драматическая минимизация отношений) чреват для России технологическим отставанием. «В глобализирующемся мире если мы являемся слабым звеном в этом отношении, то с нами могут говорить свысока и действовать против нас. Здесь нам нужно выправлять положение. Но как, в одиноч-

ку?»⁶ – резюмирует он.

В то же самое время Запад и его нынешние лидеры не готовы к такому диалогу о европейской безопасности и международном порядке, в котором бы Россия имела равный голос. То есть не только она должна была следовать логике расширения и приобщения, но и ее аргументы принимались бы к сведению и выполнялись бы на практике. И для того, чтобы пойти на такое, придется признать, что в современной Европе (понимаемой шире, чем Евросоюз) не может быть жизнеспособным проект без России, ее участия и учета ее мнения. «Российские элиты стремятся создать государство на прочной основе, которое можно интегрировать в глобальную экономику, но в то же время защитить ее внутреннюю политику от внешних воздействий. Россия никогда не мирилась с идеей НАТО-центризма и европейского порядка, сфокусированного на ЕС»⁷, – констатирует Иван Крастев. И в этом плане между Борисом Ельциным и Владимиром Путиным нет той пропасти, о которой сегодня склонны писать обозреватели и в России, и на Запа-

⁶ «Мнение»: Евгений Примаков об украинском кризисе // «Россия-24». 25 июня 2014. http://www.youtube.com/watch?v=Pd0zwdz4V3c&feature=player_embedded

⁷ Цит. по: Иван Крастев о российских страхах и европейском порядке // Caucasus Times. 12 декабря 2010. <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20636>

де. Для понимания этого достаточно провести сравнительный анализ двух выступлений российских президентов (стамбульскую речь Ельцина 1999 года и мюнхенскую Путина 2007 года). Отмеченные выше противоречия будут определять отношения между Россией и Западом в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Векторы будущего

В этой ситуации у сторон есть несколько вероятных путей. Возможны негативное и позитивное развитие ситуации, поддержание статус-кво через «заморозку» нынешнего положения дел. При этом одни и те же движущие силы различных сценариев могут оказывать разнонаправленное влияние на их ход. Так, например, нарастание хаоса на Украине может подтолкнуть Россию и Запад к кооперации ради того, чтобы избежать появления непосредственно в центре Европы «большой Ичкерии». Но может и, напротив, заставить усилить санкционное давление на Москву, которая будет объявлена источником такой дестабилизации. Это же касается и вооруженного конфликта в Донбассе, который может и подтолкнуть стороны к интенсификации переговоров, и способствовать «окукливанию» позиций сторон. Военно-полити-

ческая и финансовая помощь Запада Украине может интенсифицировать АТО (антитеррористическую операцию), но в то же время не исключено, что заставит Киев постепенно пересмотреть свое отношение к проблемному региону (от поиска компромиссов до той или иной формы «развода») ради ускорения североатлантической и европейской интеграции. Продолжение политики санкций против России может заставить Москву отказаться от жесткой линии по отношению к соседней стране и поддерживающим ее США и Евросоюзу. Но они же в состоянии до предела радикализировать линию поведения РФ, которой в итоге окажется «нечего терять».

В этой связи под «позитивным» развитием понимается прагматизация отношений Запада и России (даже с сохранением различий относительно перспектив интеграции постсоветских республик в НАТО и в Евросоюз). Под прагматизацией понимается возобновление переговоров и выход на компромиссные решения. Этот тренд включает также преодоление состояния «заложников украинского кризиса» и выход на полномасштабный диалог по широкому спектру вопросов международной безопасности («иранский вопрос», положение дел на Ближнем Востоке, в Афганистане и в Центральной Азии, противодействие ИГИЛ). Что касается «негативного» сценария, то речь может

идти об углублении конфронтации, стремлении маргинализации России на международном уровне, де-факто превращении ее в «страну-изгоя», своеобразную «мега-Сербию».

Наиболее опасным представляется перерастание противостояния в опосредованное или прямое военное столкновение или попытки актуализировать идеи «смены режима» в России. Под «заморозкой» понимается сохранение нынешнего уровня противостояния без резкого перехода к новым санкциям, дипломатическим демаршам на фоне определенной фиксации «линии фронта» на юго-востоке Украины. Все эти варианты развития имеют примерно равные возможности для реализации. Принимая во внимание стремительное развитие событий в мире, сохранение статус-кво кажется проблематичным, ведь даже ситуация в одном только Донбассе в августе – сентябре, декабре 2014 года и январе 2015 года представляет фактически несколько разных картинок.

Для выхода на «позитивный» вектор необходимы представляются два базовых условия. Во-первых, США и их союзники де-факто признают особые зоны и интересы России на постсоветском пространстве и во избежание новых кризисов, представляющих угрозу для всей системы международных отношений, начинают вести разговор с Москвой как с парт-

нером. Не обязательно соглашаясь с подходами РФ, но учитывая их в выстраивании различных внешнеполитических конфигураций. Во-вторых, России удается гармонизировать собственные устремления с интересами соседних государств, находя общие точки в вопросах экономики и безопасности.

На сегодняшний день не представляется возможным говорить о значительных предпосылках для прорыва в отношениях между РФ и Западом. США и их союзники видят, что санкционная политика сыграла свою роль в ослаблении социально-экономических позиций России. Как следствие, велик соблазн если не продолжить давление, то не предпринимать активных поисков выхода из имеющегося тупика. При этом на риторическом уровне «восстановление украинской территориальной целостности» и «деокупация» (не только территорий на юго-востоке Украины, но и Крыма) рассматриваются как приоритетные цели. Этот подход минимизирует интерес России к переговорному процессу, который выглядит не столько как дипломатический формат, сколько как площадка для выдвижения ультимативных требований. Своими действиями на протяжении второй половины 2014 года Кремль показал, что не допустит повторения в Донбассе балканских сценариев (аналогичных хорватским операциям «Буря» и «Молния» про-

тив непризнанной Сербской Республики Краина с параллельным сдерживанием официального Белграда от вмешательства по защите своих соплеменников). Повторение этого пути в нынешнем контексте чревато для России не только имиджевыми потерями на международной арене, но и внутривластными осложнениями. Однако соблазн «слабой России» может подтолкнуть Запад к более жестким действиям. В особенности тогда, когда донбасское ополчение – которое в США и странах ЕС воспринимается исключительно как «марионетки» Кремля – будет, решая чисто военные задачи, создавать вслед за этим новые политические противоречия и вызовы. Усиление давления со стороны Запада вкупе с финансовыми проблемами может привести Москву к фактическому признанию своего поражения.

Но в этом случае США и их союзники будут вынуждены практически в одиночку иметь дело с активизирующимся Востоком. При том, что фокус мировой политики сегодня смещается из Европы в сторону исламского мира и Китая. Но на этом направлении США и ЕС встретят не бывшие члены ОВД, готовые ради прощания с советским прошлым на значительные издержки и ожидания будущих бонусов. И здесь «линейного проекта» не получится, что уже доказали провальные опыты по демократизации Афганистана

и «Большого Ближнего Востока». Российское влияние в Евразии можно уменьшить, а голос Москвы можно сделать тише. Но это контрпродуктивно в меняющемся мире для самого Запада. Слабая Россия не принесет стабильность ни в Европу, ни в Азию, а, напротив, мультиплицирует риски и угрозы для стран ЕС и в конечном итоге для США, активно вовлеченных в обеспечение европейской безопасности.

Таким образом, не исключено, что «фоновые факторы» заставят США и их союзников пойти на коррекцию своей позиции по отношению к Москве. Этому же тренду могут помочь и внутриукраинские проблемы: затягивание реформ, рост популистских, националистических настроений и, в итоге, фрагментация страны де-факто или де-юре. В любом случае среднесрочное развитие будет во многом зависеть от российского запаса прочности. Насколько Москва окажется в состоянии обеспечить минимизацию кризисных издержек, разрешить вопрос о более качественном уровне управления как внутри страны, так и во внешней политике? От ответов на этот вопрос во многом зависит тот выбор, который будет сделан США и их союзниками на российском направлении.

Сегодня многие эксперты и политики говорят о необходимости переоформления основ европейской безопасности посредством реализации «Хель-

синки#2» с учетом новых реалий, наступивших после распада СССР, завершения «холодной войны», расширения НАТО и ЕС и возникающих на этом пути альтернативных видений будущего. Однако без прекращения конфронтации между Россией и Западом, выхода на компромиссные соглашения относительно постсоветского пространства такой процесс невозможен. Для того чтобы преодолеть имеющееся препятствие, важно выйти из положения «заложников» украинского кризиса и возобновить полноценный диалог.

Глава 2

Европа. Борьба с неопределенностью

Офицеров-Бельский Дмитрий Владимирович – специалист по Восточной Европе, кандидат исторических наук (2004). Ведущий аналитик агентства «Внешняя политика». Доцент кафедры гуманитарных дисциплин НИУ ВШЭ. Его публикации посвящены внешней политике Польши и других стран Восточной Европы, европейской безопасности и отдельным аспектам российской внешней политики. Автор книги «Этнополитические процессы в странах Западной Европы и Америки» (2007).

Европейская интеграция уже на протяжении многих лет воспринимается как данность даже скептиками. Вполне естественным стало рассуждать о движении к единой Европе со времен Карла Великого, но из исторической памяти постепенно выпадают или лишаются эмоциональной окраски такие контрастирующие с современностью фрагменты прошлого, как эпоха колониализма, религиозных, наполеоновских и мировых войн. Мы редко задумываемся о том, что за исторически короткий срок Европа прошла большой путь

от центра мирового развития и военных конфликтов, мирового соперничества европейских держав до конгломерата стран, поглощенных собственными проблемами. В конце XIX века, предчувствуя пока еще неясные будущие изменения, Ф. М. Достоевский сравнил Европу с кладбищем, а О. Шпенглер написал позднее о «закате Европы». Между тем, когда после Второй мировой войны предчувствия стали реальностью, европейцы практически не заметили деколонизации и в целом были рады американской помощи в восстановлении экономики и защите от советской угрозы. Однако именно потеря прежнего мирового статуса стала, пожалуй, самой существенной причиной европейской интеграции, начавшейся со сближения непримиримых прежде соперников – Франции и Германии.

Интеграция и трансформации в Европе

В 1990#е годы начался новый этап европейской истории, перемены были динамичными. В сравнении с тем временем следующее десятилетие представляло собой «энергичное топтание на месте». Обилие инициатив и проектов, интеграция новых членов, споры о будущем институциональном дизайне и перманентное усложнение правовой базы ЕС – все это со-

четалось с организационной неподвижностью, неготовностью правительств к перераспределению полномочий и завуалированной борьбой за национальные интересы. Это был период накопления потенциала для качественных трансформаций, но многие проблемы и решения были отложены на будущее. **Экономический кризис 2000#х годов заставил понять очевидный факт: неопределенность путей дальнейшего развития ЕС может оказаться более пагубной, чем глубокая интеграция, лишаящая страны их суверенитета, или дезинтеграция.**

Реформистский потенциал Лиссабонских соглашений иссяк, и, несмотря на «кризис согласия», с начала нового десятилетия мы наблюдаем новую актуализацию интеграционного дискурса. Самое сложное, что предстоит в ближайшей перспективе, – это изменение договоров ЕС. Об этом, как о насущной необходимости, говорил еще в ноябре 2012 года прежний глава Еврокомиссии Баррозу: «Нам нужен настоящий, глубоко интегрированный экономический и валютный союз для того, чтобы преодолеть кризис доверия»⁸.

Лиссабонские соглашения, определявшие развитие ЕС в последние годы, фактически представляли собой замену одних компромиссов другими. В первую

⁸ Баррозу представил план перестройки ЕС. 29.11.2012. <http://www.dw.de/баррозу-представил-план-перестройки-ec/a-16415068>.

очередь это касается введения с 2014 года новой системы голосования по принципу «двойного большинства» – решения в совете будут приниматься только в случае, если за них проголосовало более 55 % стран (более 15 стран), представляющих не менее 65 % населения ЕС. Пока еще любая страна ЕС может инициировать возвращение к правилам Ниццкого договора, но с 2017 года новый принцип станет единственным.

Решения по наиболее важным вопросам, касающимся внешней политики и политики безопасности, налогов, ключевых вопросов экологической политики, совместной работы национальных правоохранительных органов и судебных систем по-прежнему будут приниматься единогласно. **Однако тенденции таковы, что принятие решений квалифицированным большинством со временем распространится и на эти сферы. Таким образом, самые сильные и населенные страны ЕС смогут расширить свой контроль над европейскими процессами. Дольше всего сопротивление «диктату большинства» можно ожидать в сфере внешней политики и в вопросах безопасности.**

В Лиссабоне произошло перераспределение ответственности от наднациональных структур ЕС в пользу межправительственных. Это сохранило процедурный «демократизм», но явно не способствовало эф-

фективности и скорости принятия решений. Ситуацию призвано исправить изменение институциональной логики – принятие ключевых решений по-прежнему будет делом межправительственного консенсуса и решаться голосованием, но наднациональные структуры получают больше контролирующих функций. В силу того, что произвести перераспределение полномочий в пользу Комиссии ЕС или Европейского парламента практически невозможно, дилемма может быть разрешена посредством создания новых специализированных микроинститутов, наднациональных по своей сути.

В 2011 году в ЕС уже была проведена масштабная реформа финансового регулирования – тогда были созданы наднациональные органы по надзору над банковской и страховой отраслями, а также над рынками ценных бумаг. В энергетике, с целью реализации задач «третьего энергопакета» ЕС по либерализации рынков электроэнергии и газа, в том же 2011 году была создана новая организация ACER (Агентство сотрудничества энергетических регуляторов). В 2014 году была создана ERGA (Европейская группа регулирующих органов аудиовизуальных медиасервисов), призванная способствовать согласованности национальных регуляторов, но имеющая большой потенциал для вмешательства в работу

СМИ благодаря возможности применения санкций. На фоне продолжающегося экономического кризиса практика создания новых европейских регуляторов и наделения их полномочиями контроля над национальными регуляторами может быть распространена на многие сферы, а сами регуляторы, обретя необходимый вес, могут приобрести статус весомых наднациональных институтов ЕС и стать серьезными инструментами диктата лидеров ЕС.

Можно ожидать активизации судебной системы ЕС и расширения числа специализированных трибуналов. В ряде случаев европейские суды уже принимают решения, предполагающие серьезные политические или экономические последствия. Достаточно вспомнить оспаривание санкций ЕС российскими компаниями в Европейском суде общей юрисдикции, постановление об исключении ХАМАС из списка террористических организаций, снятие санкций с Ахмеда Каддафа ад-Дама (двоюродного брата свергнутого ливийского лидера) и т. д. Логика развития судебной системы ЕС состоит на данном этапе в том, что в ближайшей перспективе она должна стать подлинной властью и компенсировать слабость европейского объединения, переживающего постоянное сопротивление национальных правительств и находящегося в постоянном поиске консенсуса.

Точно так же слабости ЕС должны быть компенсированы изменениями, начатыми в Европейской комиссии. Помимо опытного Ж. К. Юнкера, в состав комиссии в 2014 году вошли политические тяжеловесы со всей Европы – каждая страна представлена в организации одним представителем. Роль еврокомиссаров заключается не в лоббировании национальных интересов, а в курировании вверенных им отраслей. Европейская комиссия давно пыталась отойти от практики компромиссов при распределении постов, и теперь решающее слово при назначении было якобы за самим Юнкером. Вероятно, отчасти это так и есть, но и «портфельный» торг неизбежен в ситуации, когда само назначение главы Европейской комиссии было результатом активного лоббирования со стороны Германии.

Действия Европейской комиссии зачастую мотивированы традиционной бюрократической логикой расширения своих полномочий для усиления собственного влияния⁹. Но есть и достаточно серьезная тенденция, заключающаяся в попытке компенсировать внутреннюю несогласованность ЕС жестким регулированием и возможностью применения санкций.

⁹ Кавешников Н. Ю. Развитие внешней энергетической политики Европейского союза. Вестник МГИМО. Международные отношения, 2013, № 11.

Это порождает демократический дефицит, который, однако, воспринимается в ряде европейских столиц как неизбежное зло.

Несмотря на активное развитие наднациональных институтов, в некоторых вопросах по-прежнему важны демократизм и солидарность. В 2014 году главы государств и правительств Европейского союза впервые в истории приняли решение о подготовке единого плана развития на ближайшие годы – своего рода правительственной программы ЕС. Документ, объединяющий пожелания 28 глав государств и правительств Евросоюза, получил название «Стратегический план сообщества во время перемен». Его составители отдают себе отчет в том, что доверие граждан к ЕС строится на реальном претворении в жизнь принятых решений. Этот документ пытался сочетать стремление Германии к более эффективному управлению и координации экономической политики, призывы Франции и Италии к большей солидарности с польскими и британскими лозунгами о большей открытости в отношении стран, не входящих в зону евро. «Стратегический план» предусматривает поддержку заключения соглашения о свободной торговле с США, содействие экономическому росту, повышение конкурентоспособности объединения, создание единого энергетического союза и проведение более согласованной

внешней политики. В качестве вызова в документе упоминается рост миграционных потоков.

План представляет собой не более чем декларацию о намерениях и старается обходить многие чувствительные темы, включая главный вопрос о дальнейшей институциональной эволюции объединения. Между тем дилемма ЕС очень проста – либо деградация, либо более глубокая и всеобъемлющая интеграция.

Перспективы роста европейской экономики

Начало подлинного восстановления мировой экономики можно в целом ожидать после 2018 года, хотя очень многое зависит от того, какие действия предпримут для борьбы с кризисом ведущие правительства. До этого очередной спад накалит обстановку в основном, как и прежде, в Южной Европе. Венгрия, Болгария, Хорватия, Греция, Испания, Италия, Португалия, Кипр переживут новый спад производства и снижения занятости. Помимо стран юга Европы, не исключено, что кризисная ситуация несколько усугубится во Франции, Ирландии и в ряде Скандинавских стран – в Финляндии, Швеции, Дании.

По всем параметрам улучшится состояние британской экономики, а также в странах Восточной Евро-

пы – в Польше, Чехии и Словакии. Страны, не входящие в еврозону, окажутся в большем выигрыше. Явным исключением станет германская экономика, которая останется локомотивом ЕС, что будет способствовать дальнейшему укреплению позиций страны в Европе.

В целом же Европа, даже преодолев кризис, выйдет из него ослабленной. Для иного развития событий практически нет причин. Одной из критических проблем для европейских экономик будет преодоление инвестиционного коллапса – в отличие от США, в которых уровень инвестиций уже превысил докризисный уровень, их спад в Европе все еще существенен. Предполагается, что решению проблемы будет способствовать создание Фонда стратегических инвестиций, который планируется создать под эгидой европейского инвестиционного банка. По расчетам, он должен способствовать привлечению 315 млрд евро новых инвестиций в 2015–2017 годах, но эти расчеты, очевидно, выдают желаемое за достижимое. Другим решением становится запущенная Европейским Центробанком программа количественного смягчения, рассчитанная до сентября 2016 года и предполагающая скупку частных и государственных ценных бумаг на сумму до 1 трлн евро. Попытки оживить инвестиции текущими методами достаточно сомнительны,

поскольку не способны изменить качество европейской экономики или серьезно стимулировать спрос. Постоянно растущий капитал по отношению к производству означает все более низкие доходы от капитала и, следовательно, все больше неработающих кредитов в банковском секторе в течение долгого времени. Учитывая слабое состояние европейской банковской системы, накопление слишком большого объема капитала не является той роскошью, которую ЕС может себе позволить.

Жизненно важной для экономики ЕС является основанная на инновациях реиндустриализация. Одной из сфер, способной стать локомотивом роста в Европе, является энергетика – инвестиции в нее могут быть искусственно стимулированы при помощи тезисов о преодолении энергетической зависимости. К тому же очень вероятно, что в ближайшие пять лет произойдет серьезное продвижение в технологиях новой энергетики.

Больших инвестиций потребуют и масштабные инфраструктурные проекты, которые должны способствовать диверсификации источников снабжения Европы энергоресурсами, а также окончательному формированию общего рынка газа и электроэнергии. План создания Энергетического союза должен быть представлен к марту 2015 года, а первых ощутимых

результатов стоит ждать примерно в течение последующих двух лет.

В этих условиях Россия не сможет нарастить свою долю в энергетической корзине Европы, более того, она существенно упадет. Однако цены на энергоносители имеют шанс вырасти от уровня 2015 года, в том числе искусственным путем – для поддержки внедрения новых источников.

Эволюция европейских диаспор

Вызовом для стабильности в ЕС может стать вопрос этнорелигиозных меньшинств. Влияние мусульманских диаспор в Европе будет расти наряду с ростом их численности, уже сейчас составляющей около 19 млн человек. Практически все они – мигранты или их потомки во втором-третьем поколении.

Серьезный поворот в европейских странах в отношении мигрантов определился в 2011 году, когда во Франции был введен запрет на ношение хиджабов, а в Норвегии Андерсом Брейвиком были произведены теракты. Незадолго до этого канцлер Германии признала, что попытки создания в Европе мультикультурных обществ были неудачными.

После терактов в Париже в январе 2015 года, ответственность за которые возлагается на радикаль-

ных исламистов, европейская миграционная политика претерпит изменения. Одновременно на фоне экономического кризиса будут урезаны социальные льготы для мигрантов. Для такого рода решений базис уже готов – в ноябре 2014 года Европейский Суд Справедливости постановил, что страны ЕС имеют право самостоятельно определять размеры и структуру социальных выплат, а также отказывать в предоставлении социальных льгот мигрантам.

Пересмотр политики, по всей видимости, приведет к замене «дотаций для проживания» на «дотации для интеграции». Финансирование будет направлено на создание рабочих мест для мигрантов, на улучшение ситуации в сфере правопорядка, на образовательные программы. Очень вероятно, что концепция евроислама хотя и подвергается сейчас сомнениям, но в новых формах получит поддержку и финансирование. Поддержку могут получить исламские учебные заведения, что позволит готовить европейских проповедников и отказаться от приглашения далеких от европейских ценностей улемов с Ближнего Востока. Такая практика пока не получила широкого распространения, но еще в 2008 году в Стокгольме при поддержке государства был открыт колледж исламских наук, а немного позже факультеты исламской теологии стали появляться в германских универ-

ситетах¹⁰. Очень вероятно, что теперь такая практика будет адаптирована и другими странами Европы. Косвенным показателем, что политика уже сейчас меняется в этом направлении, служит то, что в Германии в ряде земель ислам уже признается официальной религией – в Гамбурге, Бремене, вскоре в Нижней Саксонии и еще нескольких землях, если опыт будет сочтен удачным. Официальный статус даст возможность, помимо облегчения ряда ритуальных вопросов (забой скота в мечетях, проведения похорон по исламскому обряду и др.), получать для строительства культурных центров, коллективных мероприятий и т. д. финансирование из бюджета, а не от ближневосточных спонсоров. Контроль в обмен на финансирование позволит успешнее бороться с рекрутированием добровольцев в ряды террористических групп, что стало неприятным сюрпризом во время сирийской войны и агрессии ИГИЛ.

Безусловно, такой подход приведет к консолидации разнородных религиозных и этнических мусульманских групп, но к этому же ведут и другие тенденции, и бороться с этим процессом было бы неразумно. Политическое объединение европейских мусульман назрело как необходимость, но находится

¹⁰ В 2009 г. – в университете г. Оснабрюк, в 2011 г. – в университете г. Тюбингена, в 2012 г. – в университете Вильгельма (г. Мюнстер).

под вопросом. Это связано с национальным фактором и обособлением этнических арабов из Северной Африки, выходцев из Турции и чернокожих мусульман. Каждая из этих диаспор являет свои оригинальные нормы быта, поведения и даже понимания ислама, что затрудняет создание интернациональных исламских объединений.

До последнего времени европейские мусульмане не стремились создавать собственные политические партии, а предпочитали лоббировать свои интересы через существующие политические институты. Большинство из них поддерживает левые партии, которые выступают за либеральную миграционную политику, социальные программы для бедных и развития «мультикультурной» среды. Однако лимит выгод, которые предоставляло такое сотрудничество, почти исчерпан. Показателем этого стало, в частности, то, что приход к власти во Франции социалиста Франсуа Олланда не помог мусульманкам вернуть себе право на ношение хиджабов. Кроме того, накапливающийся в Европе антиисламизм в очень скорой перспективе заставит даже левых остановиться в поддержке этно-религиозных меньшинств.

В настоящий момент в Европе действуют минимум две «исламские» политические партии – «Партия возрождения и единства» в Испании и «Партия ислам-

ских демократов» в Нидерландах, наиболее активная в Гааге, где ее представителям удалось занять несколько мест в городском совете. Также существуют общественные движения, стремящиеся получить статус партий и не имеющие пока реального политического влияния: «Финская исламская партия» (Финляндия), «Союз исламских объединений и организаций» (Италия), «Союз исламских организаций» (Франции), «Лига справедливости и развития» (Германия).

В Германии, где мусульмане составляют приблизительно 5 % жителей, их электоральная активность достаточно высока, поскольку значительная часть немецких мусульман имеют турецкие корни, т. е. происходят из страны, адаптировавшейся к избирательному процессу. Их политическая стратегия основана преимущественно на поддержке социал-демократов и «зеленых». Они занимают заметные посты в немецких политических партиях, что должно способствовать мобилизации мусульманского электората для их поддержки.

Принципиально иной является ситуация во Франции, где до 80 % мусульманского населения происходит из стран Магриба (преимущественно Алжира, Туниса и Марокко) с несколько иным типом политического поведения. До сих пор активность мусульман на французских выборах невысока: при доле среди

населения Французской метрополии в 9,5 % их доля в электорате лишь 2–5 %. Это связано со слабым доверием многих представителей старшего поколения к выборному процессу и традиционной аполитичностью многих выходцев из стран с менее развитыми демократическими институтами.

Политическая активность мусульманской молодежи в целом выше, чем старшего поколения, но для нее характерны более радикальные требования, которым уже не всегда соответствует даже программа социалистов. Отсутствие иных форм единства помимо ислама создает питательную почву для радикализма.

Настоящей серьезной проблемой для европейских стран стал криминальный ответ части мусульманской молодежи на текущие социальные условия. Во Франции, несмотря на долю в населении страны менее 10 %, мусульмане составляют 60 % обитателей тюрем. После массовых выступлений 2005 года, начавшихся под предлогом протеста против полицейского насилия, французская полиция оказалась вытеснена из массы бедных городских районов, часто с преимущественным проживанием мусульманского населения. Официально многие такие анклавные районы имеют статус «чувствительных городских зон», каковых, согласно официальному перечню, насчитывается 751

по стране и 9 в Париже. Формально эти районы должны быть приоритетными объектами политики местных властей, но на деле такой статус является указателем опасности появления в данной местности для посторонних, включая представителей полицейских сил. Таким образом местный криминалитет пытается обезопасить себя от преследований властей.

Пока речь не идет о членстве в экстремистских религиозных организациях. В жизни европейских мусульман они играют гораздо меньшую роль, чем может показаться. Исламский экстремизм, как и глубокая ассимиляция в европейском социуме, – не более чем крайний вариант, который выбирает меньшинство европейских мусульман. Однако растущая ксенофобия коренных европейцев вкупе с тенденциями по консолидации различных мусульманских диаспор может породить ответную реакцию и способствовать выводу проблемы на новый виток развития.

Перспективы миграционной политики ЕС

По всей видимости, в ближайшие годы будет поднят вопрос о частичном пересмотре Шенгенских норм, включая комплекс более поздних правовых наслоений. В пользу этого неоднократно высказывались видные европейские политики, в частности, герман-

ский министр внутренних дел Ханс-Петер Фридрих, а прежний французский президент Николя Саркози вообще не исключал в своих заявлениях возможности выхода Франции из Шенгенского соглашения.

Вопрос контроля над въездом в ЕС становится все более актуальным, но и внутренние перемещения тоже приковывают внимание европейских политиков. Некоторые страны Европы уже прибегали к исключительным мерам, используя специальное положение Шенгенского договора, позволяющее на 30 дней восстанавливать контроль на границах. Так было в 1995 году после терактов в Париже, в 2001 году во время саммита «Большой восьмерки» в Генуе, где произошли крупные столкновения сил порядка с антиглобалистами, и в 2009 году при проведении во французском городе Страсбурге саммита стран НАТО.

7 июня 2012 года на совещании Совета министров в Люксембурге было принято решение о том, что европейские правительства могут прибегать к временному восстановлению пограничного контроля на шесть месяцев без необходимости каких-либо особых согласований – достаточно лишь уведомить об этом решении соседние государства. Более того, в чрезвычайных обстоятельствах допускается закрытие границы на два года, что само по себе явилось бы серьезным прецедентом для всего Евросоюза.

Вряд ли к этим мерам будут прибегать, чтобы не испытывать единство ЕС. Европейцы, вероятнее, предпочтут другой вариант – вывод вопроса на наднациональный уровень и передачу в сферу ответственности ЕС вопросов управления границами и регулирования процедур предоставления убежища. С одной стороны, это можно рассматривать как вызов независимости европейских стран и это должно вызвать резонное сопротивление. Но, с другой стороны, в таком варианте заинтересованы все европейские страны, поскольку действующая сейчас в этой сфере Дублинская конвенция 1990 года совершенно нефункциональна. Она предполагает возврат нелегальных мигрантов и беженцев, не получивших убежища в страну первого въезда, что автоматически ставит транзитные страны в сложную ситуацию. Соответственно, страны въезда не заинтересованы в регистрации нелегалов, и это способствует их уходу в тень.

Пробуждение идеологий

Конец XX века дал спорное и двойное ощущение конца истории и преддверия глобальных перемен. Коммунизм в СССР и в Восточной Европе пал, европейская интеграция начала набирать обороты, а в планетарном масштабе на первый план вышли

новые вызовы глобализации. Стремительное восхождение ряда развивающихся экономик, экономический кризис и чувство утраты западным миром исключительности в новом веке также должны были спровоцировать идеологические сдвиги, но этого до сих пор, по большому счету, не произошло.

Развитые политические идеологии – феномен массового общества последних двух столетий. Массовое общество переживает кризисную трансформацию, результатом которой может стать новый политический процесс и новые идеологии. **Понятие «большинство» практически перестало быть политической реальностью, а апелляции к нему – достаточным аргументом. Не исключено, что скоро мы увидим мир не доминирующего большинства, не уравненных в правах меньшинств, не либеральной учтивости к инаковости и не их авторитарного подавления, а конфликтующих меньшинств. В этом мире возможны любые необычные коалиции.**

Процесс трансформации только начинается, и не стоит ожидать от Европы новых идей в самые ближайшие годы, но можно ожидать реанимации национализма и изоляционистского европеизма, становления региональных политических движений, а также появления в парламентах исламских партий.

Европейский национализм прежде воспринимался почти исключительно в контексте правых идеологий и отношения коренного населения к мигрантам. В ближайшие годы он имеет все шансы стать намного разнообразнее. Специфика нового европейского национализма на сегодняшний день состоит в том, что он обладает нишевым характером, не рассчитывает на достижение власти, достаточно маргинален и компенсирует свою слабость популистской риторикой.

Националистический ракурс не полностью распрощается со своим маргинальным статусом, но значительно улучшит свой имидж. В случае Франции эта тенденция уже идет, и ее демонстрирует «Национальный фронт» Марин Ле Пен. Вероятно, что некоторые консервативные партии, в том числе весьма уважаемые, также начнут осторожно вводить националистические тезисы в свою риторикку. В Германии такую роль, по всей видимости, возьмет на себя баварский Христианский Социальный Союз. Призванная выявить реакцию общественности проба была сделана совсем недавно, в декабре 2014 года, когда правящий ХСС выступил с предложением запретить использовать в стране иные языки, кроме немецкого. Той же тенденции можно ожидать от «Союза за Народное Движение» во Франции, от правящей в Нидерландах «Народной партии за свободу и демократию»

и ряда других.

Политическая палитра ряда европейских стран будет разбавлена сильными региональными националистическими партиями с автономистским или сепаратистским уклоном, наподобие уже существующего каталонского альянса «Конвергенция и Союз», «Лиги Севера», «Шотландской национальной партии» и т. д. Можно ожидать оживление общественных движений венгерского меньшинства в Румынии и русскоязычных меньшинств в прибалтийских странах, а также приобретение ими выраженного националистического характера.

Новый европейский национализм находится в начальной стадии трансформации. В отличие от прошлого, он более не чужд демократическим ценностям, и в некоторых уже нередких случаях националисты даже разделяют некоторые левые взгляды.

Начало трансформации несет в себе возможность самых неожиданных идеологических сочетаний и альянсов. Есть тенденции к появлению экологически ориентированных движений с традиционалистским уклоном, которых в прежней системе категорий можно было бы счесть скорее правыми, хотя традиционно «зеленые» принадлежат к левой части политического спектра.

Другим явлением, способным получить некоторое развитие в Европе, является левый национализм. Это течение хотя и берет идейное начало во французском якобинстве, но исторически представлено было в странах третьего мира как идеология борьбы за независимость. В Европе прежде из партий подобного типа можно было назвать разве что Шинн Фейн, но теперь левый национализм широко распространяется в испанской Каталонии, имеет некоторые перспективы в Италии и вообще в Южной Европе. Причина этого состоит в том, что именно в странах Южной Европы кризисные явления будут иметь наиболее серьезное продолжение, что будет одновременно благоприятствовать левым идеям, евроскепсису и связанному с ним национализму.

В 2014 году сенсацией, хотя и переоцененной, стал успех националистов из французского «Национального фронта» Марин Ле Пен, однако фракцию в Европарламенте с близкими по духу партиями «Йоббик» и «Золотая Заря» создать не удалось. Большую сплоченность поначалу проявили евроскептики из «Партии независимости Соединенного Королевства» и итальянского «Движения пяти звезд», составившие костяк фракции «Европа за свободу и прямую демократию».

Обращает внимание, что националисты и еврос-

кептики не нашли общего языка друг с другом, хотя это было бы естественно. Интересно и то, что националисты представляют собой оформившиеся политические силы с вполне четким идеологическим базисом, тогда как партии евроскептиков на национальном уровне достаточно маргинальны и не имеют больших перспектив. Евроскепсис в большинстве его проявлений является шутовством, иногда даже в прямом смысле этого слова, как в случае с итальянским «Движением пяти звезд», возглавляемым популярным комиком Беппе Грилло.

Успех евроскептиков и националистов на выборах 2014 года не приведет к существенному изменению расстановки сил и повестки работы Европарламента, но он важен как маркер, отражающий настроения европейцев. Очень вероятно, что евроскепсис придаст оттенок мейнстримным политическим силам. Причем пример упомянутого «Движения пяти звезд» показывает, что антиевропеизм вполне совместим с левыми идеями и может стать тенденцией.

Этап идеологической диффузии, когда либералы и консерваторы потеряли почти всякие различия между собой, открыл возможность выйти на политическую арену новым партиям и движениям. На рубеже XX–XXI веков в Европе появилось немало партий ограниченных задач (экологических, альтерглоба-

листских и т. д.), которые не претендовали на всеобщность и зачастую не имели цели обретения власти. В их деятельности сильно сказывалась тенденция к стиранию границы между политическими партиями и общественными движениями. К концу десятилетия новых красок на политической палитре добавляют партии с ограниченным участием – региональные, националистические, религиозные и т. д., – ориентированные на небольшие активные группы.

Германия осваивает роль хозяйки континента

Некогда Генри Киссинджер задал шуточный, но очень содержательный вопрос: «Кому мне позвонить, если я хочу поговорить с Европой?» Время сомнений прошло, и теперь можно определенно сказать, что это будет звонок в Берлин. Нынешний канцлер Ангела Меркель старается не торопить события, и ее политика требует весьма филигранной работы – соблюдая меру, одновременно укреплять позиции Германии, а также институты ЕС. По сути, задача реформирования ЕС возложена на Германию – у этого процесса должен быть лидер, а брюссельская бюрократия уже достигла своего преобразовательского потолка. *По словам канцлера Меркель, «в Европе*

сложилась ситуация, когда все говорят, что мы можем развивать все что угодно, но мы не можем менять договоры (Европейского союза). Я не думаю, что мы можем таким образом построить реально функционирующую Европу»¹¹.

Германию никак не могли устраивать результаты трактата в Ницце. Население этой крупнейшей европейской страны более чем на 20 млн человек превышает население Италии, но Германия не получила больше голосов в Совете министров. Германия, Франция, Италия и Великобритания имеют по 29 голосов в Совете министров Евросоюза; Испания и Польша представлены каждая 27 голосами, Нидерланды имеют 13 голосов, Греция, Бельгия и Португалия – по 12, Швеция и Австрия – по 10, Финляндия, Дания и Ирландия – по 7 голосов, Люксембург – 4 голоса.

Еще несколько лет назад европейские политики размышляли о том, как и в какой форме переложить на Берлин общую ответственность. Например, достаточно нервно обсуждалась идея введения общих европейских долговых обязательств. Теперь же Германии доступно самой определять меру своей ответственности перед Европой. Именно Германия была инициатором всех последних ключевых назначений

¹¹ Меркель готовит ЕС к реформам. 19 декабря 2013 года. <http://www.euromag.ru/germany/34232.html>

в структурах ЕС – главы Еврокомиссии Жана Клода Юнкера и главы Евросовета Дональда Туска.

Европейское лидерство и «натиск на Восток» – это те две задачи, с которыми Германии будет сложно справиться одновременно. Внешний ракурс европейской политики долгое время был вне компетенции Берлина, и в тандеме с Францией она явно была ведомой. Это давало повод для критики со стороны американских политиков, недовольных внешнеполитической пассивностью Берлина. Однако, по крайней мере с начала 2010#х годов, наблюдаются системные изменения – Германия активизировалась в первую очередь в сфере восточной политики ЕС, хотя предпочитала не действовать открыто и напрямую, прощупывая реакцию соседей. Если Польша была инициатором восточного партнерства, то Германия – вдохновителем и спонсором.

Германия является инициатором жестких санкций в отношении России, введенных в 2014 году, и одновременно фактическим творцом конфронтации, которая послужила им причиной. К началу 2015 года ситуация обозначилась таким образом, что устремления Германии к востоку от Европы начали вступать в противоречие с ее амбициями в ЕС. Политика Берлина может породить реакцию отторжения, вплоть до того, что в перспективе возможно разрушение глубоко уко-

ренного в новейшей европейской традиции франко-германского альянса.

В сфере политики безопасности Германия пока достаточно слаба, и причины этого кроются не только в прежней многолетней пассивности германской политики, которую она сейчас с большим трудом изживает, но и в материальном факторе: она обладает достаточно слабыми вооружениями, в отличие от Франции и Великобритании не имеет ядерного оружия и не способна проецировать силу за пределы региона.

Нынешняя работа кабинета Меркель и конкретно министра обороны Урсулы фон дер Ляйен сосредоточена на восстановлении военно-промышленного потенциала и подготовке к перевооружению. По численности служащих бундесвер сейчас сопоставим с польской армией, что никак не вяжется ни с масштабами государства, ни с той ответственностью, которая лежит на Берлине в ЕС. По словам министра, германская армия в случае критической ситуации окажется не способна выполнить свои обязательства перед союзниками по НАТО. Причина, в частности, в том, что у бундесвера нет нужного количества самолетов, которые должны быть предоставлены в экстренном случае в рамках обязательств перед НАТО в течение 180 дней. Официальные лица Министерства обороны

цы не считают престижной (лишь 32 % немцев одобряют выбор этой профессии).

Можно ожидать, что с 2016 года Германия начнет постепенно увеличивать расходы на вооружение, а к концу десятилетия оборонные ассигнования могут стать рекордными. Это не мешает Берлину делать одновременно ставку на форсированное развитие европейских вооруженных сил.

Усиление Германии в европейской политике сопровождается подчеркнутой скромностью заявлений и готовностью соблюдать интересы соседей. Однако эта тактика плохо скрывает тот факт, что Германия и Европа становятся вызовом друг для друга. Антигерманизм в Европе, по крайней мере в публичных обсуждениях, до сих пор был крайне непопулярен. Взяв на себя ответственность за Вторую мировую войну, а также признав свои чудовищные преступления, немцы на десятилетия вывели себя из-под огня критики. Однако сейчас друг другу навстречу движутся две тенденции – расставания немцев с комплексом вины и пробуждение антигерманизма в европейских странах.

Одной из причин современной германофобии в Европе стала попытка найти виновного в собственной экономической несостоятельности и те меры жесткой

экономии, которые активно продвигаются Германией, но в которых не все страны находят пользу. До открытой оппозиции Германии ни в одной из европейских стран пока не дошло, но это очень вероятно в перспективе, к концу десятилетия, когда страны Европы в основном выйдут из кризиса и потеряют необходимость в Германии как лидере ЕС. Евроскепсис также получит сильный антигерманистский оттенок.

Стабильность европейского сообщества

До 2020 года ЕС, по всей видимости, останется в прежних границах и будет насчитывать 28 государств. В июле 2014 года Жан-Клод Юнкер заявил, что в ближайшие пять лет расширения ЕС не будет. Конечно же, новый глава Еврокомиссии мог быть не совсем искренен и сами планы могут быть в будущем скорректированы. Это вполне мог быть намек на бесполезность в обозримой перспективе устремлений Украины, Сербии или Албании стать частью ЕС.

В любом случае есть страны, ради которых европейцы смогли бы изменить любые планы, но которые пока не стремятся вступить в ЕС. Речь идет прежде всего о Норвегии и Швейцарии, которые очень важны для Европы, способны оказывать немаловаж-

ные услуги в энергетической и финансовой сфере, но не хотели бы, чтобы их эксклюзивные возможности попали под диктат Брюсселя. Для того чтобы, по крайней мере, начать обсуждать вопрос их большего вовлечения в европейские дела, необходимо определиться с тем, каким будет ЕС. Ответа на этот вопрос нет ни в Брюсселе и ни в одной европейской столице. Однако можно предполагать, что обсуждение этого вопроса в той или иной форме все же начнется в ближайшие пять лет.

Не исключено, что вариант «особого членства» в ЕС попытается продемонстрировать Великобритания, которая все же не покинет ЕС. Об этом можно говорить с уверенностью, несмотря на то что веская причина для этого только одна: Лондон желал бы отвернуться от европейских проблем, но не может позволить себе отказаться от имеющихся инструментов влияния в ЕС. Для Великобритании объединение Европы в любых формах всегда представляло проблему, в том числе и сейчас, когда развитие Европы протекает в режиме германоцентризма.

К тому же, на фоне роста значения Берлина для американской политики, ценность Лондона в качестве ключевого американского союзника неизбежно ослабнет со временем, и выход из ЕС мог бы привести к политической маргинализации Великобрита-

нии.

Внешняя политика и политика безопасности ЕС

Первые лица Европы достаточно давно рассуждают о необходимости укрепить присутствие Евросоюза на международной арене. По словам Жана Клода Юнкера, зачастую именно главы МИД стран-членов «чинят препятствия» самостоятельной деятельности ЕС. За этими словами скрывается непонимание содержания международной политики, которая очень отличается от конвейерного «производства» резолюций в Брюсселе. **Главная проблема европейской политики состоит в том, что не сложился как таковой европейский интерес, не произойдет этого и в ближайшие годы. Подобно национальному интересу, он должен иметь глубокие исторические основания и пройти через испытания катастрофами.**

Ряд европейских стран вообще практически не имеют внешнеполитических амбиций, некоторые ограничивают их рамками Европейского континента и зоны европейского соседства, и лишь Германия, Франция и Великобритания могут претендовать на реализацию глобальных интересов. Европейским лиде-

рам практически невозможно поднять малые страны на собственный уровень интересов и добиться от них чего-либо большего, чем солидарность в отдельные сложные моменты. Другой камень преткновения заключается в том, что в ключевых европейских столицах нет взаимного согласия.

В целом Европа идет по пути углубления интеграции и формирования более тесных связей с англосаксонскими странами других континентов, но есть и частные нюансы. Германия выходит на авансцену мировой политики после многих лет пассивности и, следуя британскому примеру, стремится установить тесные взаимоотношения с США для того, чтобы использовать американский внешнеполитический потенциал для своей глобальной политики. Ресурсов для самостоятельной политики за пределами Европы у Берлина нет, а у американцев, в свою очередь, наблюдается растущая потребность в союзниках на фоне угасающей гегемонии. Французская дипломатия во многих аспектах своей политики держится особняком от других европейских стран и, следуя собственным традициям, никогда не пыталась реально включать в свои внешнеполитические проекты другие европейские страны. Теперь же Париж тем более не намерен работать на единство внешней политики ЕС, понимая, что основным бенефициаром такой полити-

ки станет Берлин.

Великобритания хотя и является членом ЕС, но сохраняет этот статус больше для того, чтобы иметь влияние на европейские процессы. Все ее инициативы, и в первую очередь идея «двухскоростной Европы», направлены главным образом на торможение европейской интеграции. Кроме того, Великобритания стремится сохранить особый характер взаимоотношений с США и ревниво относится к попыткам Берлина и Брюсселя выстроить аналогичное партнерство. Никаких причин поддерживать европейское единство у Лондона нет.

Прежняя европейская политика в мире была, по сути, производной от прошлого – двух мировых войн, предопределивших особый характер взаимоотношений с США, и колониальной эпохи, связавшей европейцев особыми, очень индивидуальными узами с народами других континентов. Для Франции такой зоной особых интересов традиционно были Африка, Средиземноморье и частично Ближний Восток, а для Германии (после окончания «холодной войны» и объединения страны) – отношения с Россией. Подобным же образом Польша и Швеция имели амбиции на постсоветском пространстве, Испания – в Латинской Америке, Великобритания – среди стран Содружества.

Время меняет тенденции, и географическая «спе-

циализация» европейских держав постепенно уходит в прошлое. Германская политика, а также экономическая экспансия выходят за пределы Европы и, в частности, становятся очень заметными в Китае, на Ближнем Востоке и на постсоветском пространстве. Польша активизирует свою политику в Европе, чего не было раньше. Существенные изменения происходят и во французской внешней политике, обратившейся к региону Персидского залива.

Серьезных изменений стоит ждать и в сфере безопасности. Вопрос о создании общеевропейских вооруженных сил хотя и не обсуждается активно, но является принципиально важным. Начало было положено созданием боевых групп, первая из которых появилась в 2005 году. Это небольшие подразделения, создаваемые коллективно несколькими странами и необходимые не столько для выполнения боевых задач, сколько для отработки взаимодействия. Формирование европейских вооруженных сил может быть успешно вписано в новую модель североатлантического сотрудничества. В рамках новой логики «Умной обороны» НАТО предполагается более тесная интеграция вооруженных участников альянса на основе специализации. Многие страны ЕС предпочтут лишь формально участвовать в этих процессах, и лишь некоторые – Великобритания, Франция, Гер-

мания и Польша – продолжают формировать универсальные вооруженные силы.

Отношения Европы с США

Не очень заметное, но принципиальное изменение формата отношений США и ЕС произошло в начале второго десятилетия XXI века. Прежде американские лидеры, Джордж Буш-младший и Барак Обама, предпочитали общение с главами европейских стран по отдельности, но с 2011 года в переговорный процесс все глубже входят руководители Евросоюза. Важные решения по-прежнему принимаются на национальном уровне, но прибытие на саммит США – ЕС в Вашингтон в ноябре 2011 года, впервые за всю историю подобных встреч, председателя Еврокомиссии Мануэля Баррозу, председателя Европейского совета Хермана ван Ромпея и высокого представителя Евросоюза Кэтрин Эштон стало очень показательным «авансом» интеграции.

Отношения ЕС и США имеют симбиотический характер. Сложно сказать определенно, какая из сторон от них больше выигрывает, особенно сейчас, когда на фоне спада гегемонии Вашингтон стремится упрочить все имеющиеся союзы. С другой стороны, для ведущих европейских стран с потенциалом глобального

участия в мировой политике американская политика служит своего рода проводником. В случае Германии отношениям не повредили даже тяжелые скандалы, связанные с отказом США вернуть Германии 300 тонн принадлежащего ей золота, а также с прослушиванием телефонов немецких политиков, в том числе и федерального канцлера. Однако скандалы серьезно повлияли на общественное мнение – согласно опросу общественного мнения, проведенному еженедельником *Der Spiegel* 6 июля 2014 года, 57 % немецких респондентов высказались за большую самостоятельность Германии от США в вопросах внешней и оборонной политики, а 69 % опрошенных заявили о том, что их доверие к альянсу с США отныне подорвано¹³.

В целом антиамериканизм в Европе достаточно слаб. Правда, в десятку наций, наиболее критически смотрящих на США, входят две европейские страны – Германия и Греция, но это компенсируется позитивным отношением большей части европейцев, а Франция и Италия входят в десятку стран с самой позитивной оценкой США¹⁴. При этом в течение более чем де-

¹³ Germany's New Spying Scandal Fuels Anti-Americanism. July 7, 2014. <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=56084>.

¹⁴ Bruce Stokes, Which countries don't like America and which do. July 15, 2014. <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/07/15/which-countries-dont-like-america-and-which-do/>.

десятилетия заметна постоянная позитивная динамика в отношении США после провала в 2003 году в связи с агрессией против Ирака. До конца десятилетия можно будет наблюдать некоторый откат назад, но серьезного взлета антиамериканизма без очень веской причины ждать не стоит.

Предстоящие большие проекты, наподобие Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), подтверждают укрепление устойчивой взаимозависимости США и ЕС. Инициатива партнерства была запущена в июне 2013 года с целью создания зоны свободной торговли между США и ЕС. Она может стать самой масштабной в современном мире, объединяющей почти половину мирового ВВП и две трети международных инвестиций. Первоначально основной целью европейцев, которые были инициаторами проекта, было стремление оживить торговлю Европейского союза, уставшего от жестких мер экономии и многочисленных регламентаций. Однако теперь этот проект видится едва ли не геополитическим, особенно на фоне ухудшившихся отношений с Россией и выхода Китая в лидеры мировой экономики.

Со стороны Европы переговоры о ТТИП ведет Сесилия Мальстром, еврокомиссар по торговле. Она многократно давала понять, что не намерена спе-

шить в этом вопросе, но фактически лишь пыталась скрыть подобными заявлениями сильную заинтересованность Брюсселя в установлении партнерства. Однако у европейских переговорщиков имеется немало требований, способных надолго стать камнем преткновения в обсуждении договора.

Европейцы настаивают на исключении из договора механизма, позволяющего бизнесу подавать в суд на правительства. Если это произойдет, то крупные транснациональные корпорации получат дополнительный рычаг влияния на европейскую политику. Кроме того, европейцы требуют отмены принципа «покупай американское» при заключении государственных контрактов, отчего могут пострадать прежде всего американские производители вооружений. Наконец, Европа настаивает на включении в соглашение раздела по либерализации энергетической сферы.

Договор очень важен лично для президента Барака Обамы, поэтому не исключено, что к концу 2015 года компромисс по основным вопросам будет достигнут. Форсированию переговоров может способствовать и создавшаяся в Европе на фоне противостояния с Россией политическая ситуация. Уподобление соглашения партнерству в НАТО практически уже стало общим местом.

Перспективы контактов России и ЕС

Европа всегда была конфликтным полюсом мира, поражающим частотой и интенсивностью конфликтов. С XVII века Россия становится неременным участником европейского баланса сил, и несколько раз, еще со времен Карла XII, вторжения с Запада были жизненной угрозой российской государственности. **Никогда прежде в своей истории Россия не имела дела с единой Европой, но даже кратковременное квазиединство европейцев становилось тяжелым испытанием для «русского мира» во времена Наполеона и Гитлера. Европейская интеграция и дальнейшее объединение евроатлантического мира безусловно являются для России экзистенциальным вызовом и потенциальной угрозой безопасности.**

Ключевой проблемой взаимоотношений России и ее европейских партнеров в начале XXI века было отсутствие серьезных причин для развития отношений. По инициативе российской дипломатии на обсуждение еще с 2008 года было поставлено несколько соглашений: базовое соглашение о партнерстве и сотрудничестве, договор о европейской безопасности и реформа договора об обычных вооруженных силах

в Европе (ДОВСЕ). Тогда мало кто предполагал, что продвижения в переговорном процессе, а по существу, и самих переговоров, не будет в течение последующих четырех лет. Все соглашения, предлагаемые российской стороной, по большому счету, не были нацелены на то, чтобы определять параметры сотрудничества. Скорее, они были призваны установить пределы допустимого для всех сторон, преимущественно в сфере жесткой безопасности.

Российской дипломатии, конечно же, следовало заключить основополагающие акты, не дожидаясь того момента, когда европейская внешняя политика приобретет монолитный характер. После чрезвычайного обострения взаимных отношений из-за событий на Украине возврат к переговорам в старом формате представляется невозможным, а содержание будущей повести находится за горизонтом прогноза.

Те соглашения, которые будут достигнуты по украинскому вопросу, безусловно, будут негласно иметь в виду дальнейшую судьбу Белоруссии, Грузии и Азербайджана, а также непризнанных государств Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и, возможно, Нагорного Карабаха. Только после этого на повестку дня можно будет поставить соглашения экономического содержания и нового договора о безопасности в Европе.

Европа и Россия практически обречены на тесную взаимозависимость в сфере безопасности более чем в какой-либо иной. Наиболее перспективной видится модель, при которой будущий договор о европейской безопасности будет частью обширного общего пространства безопасности, состоящего из соединенных в «кольцо» региональных сегментов. Таким образом, Россия должна превратиться в трансрегиональную державу, своего рода континентальную ось, на которую будут нанизаны звенья безопасности от Атлантики до Владивостока.

Уже не центр – еще не периферия

Потеря Западом центрального места в мире продолжается уже более столетия. Все началось с того, что в конце XIX века в мире появились неевропейские точки роста, а немного погодя, в период Первой мировой войны, Япония была фактически признана великой державой. Деколонизация ускорила процесс размывания европейской исключительности, а окончание «холодной войны» позволило европейцам обратиться к задачам внутреннего плана.

Ключевая проблема современной европейской политики коренится не в вопросе эффективности институтов и не в плоскости ценностей и норм. На протя-

жении последних двух десятилетий не было подлинной повестки дня как у отдельных стран, так и у Европы в целом. Сдвиг, обозначившийся в последние несколько лет, фундаментален. Налицо очевидные признаки того, что Европа начинает формировать иерархию приоритетов в сфере мировой политики и ставить перед собой более масштабные задачи. В ином случае Европа просто обречена оказаться на периферии мировой политики.

Глава 3

Постсоветская Европа. Пограничье перед выбором

Лошкарев Иван Дмитриевич – специалист по постсоветским странам и проблемам развития Африканского Рога. Аналитик агентства «Внешняя политика», аспирант МГИМО (У) МИД России. Его публикации посвящены проблемам развития Африки, внешней политике Украины и проблемам современных диаспор.

Украина, Беларусь и Молдова составляют в совокупности западный фланг СНГ – особый пограничный регион Европы, находящийся на пересечении множества политических, экономических и культурных пространств. Переплетение интересов различных социальных и этнорелигиозных групп и слабость центральной власти (в Молдавии и на Украине) привели к тому, что целостность региона сохраняется исключительно за счет поддержания социального многообразия. Это не устраивает наиболее «пассионарные» группы, которые периодически прилагают усилия, чтобы изменить политический баланс. На таких пассионариев опираются и внешние силы.

Практически любые попытки изменить саму структуру региона с условным названием «Пограничье» приводят к активизации сил, имеющих противоположные цели. На Украине с 1919 года разные политические силы стремились воплотить сразу четыре проекта государственности. В период наступления армии Антона Деникина на север или Красной армии на запад в тылу войск восставали крестьянские атаманы, во время усиления националистического проекта Степана Петлюры на сторону белых массово перешли подразделения сечевых стрельцов, а атаман Нестор Махно, с идеей анархического самоуправления, несколько раз менял политических союзников в течение одного года. Сейчас в Молдавии сторонникам евроинтеграции консолидированно противостоит элита автономного региона Гагаузия, которая борется за сохранение идентичности гагаузов, в том числе путем негласных контактов с Москвой и Анкарой.

Социальные особенности Пограничья приводят к необычным политическим последствиям. Зависимость стран сразу от нескольких центров силы приводит к непоследовательности, отрыву риторики от реальности и попыткам угодить «и вашим, и нашим».

Например, при провозглашении независимости Украины основным принципом внешней политики считался нейтралитет. Затем в течение 15 лет украин-

ское руководство провозглашало своей целью вступление в НАТО, то есть придерживалось принципа взаимосвязи внешней политики с военно-политическими обязательствами. В 2010 году украинское руководство на фоне усталости населения от евроатлантической риторики вернулось к давно забытому нейтралитету, модифицировав его во «внеблоковость».

Перед политическими лидерами трех стран стоит дилемма: быть *последовательными* или *просчитывать последствия*. Например, попытки Виктора Ющенко создать отдельную православную церковь на Украине путем объединения трех основных церковных организаций провалились. Ющенко намеревался сплотить украинское общество путем создания религиозной общности, используя польский опыт («что ни поляк, то католик»). Его последовательность похвальна, как и его замысел, но абсолютно не учитывался фактор социального (и религиозного) многообразия. Опыт половинчатых решений в вопросе идентичности иногда приводит к большему успеху.

В Беларуси Александр Лукашенко два десятилетия колебался между признанием важности заслуг русской и белорусской культуры, а в итоге оформилась самостоятельная культура русскоязычных граждан Беларуси. Хотя часто непоследовательность губительна: именно колебания молдавского руковод-

ства в вопросе статуса Приднестровья замораживают урегулирование конфликта.

Перспективы региональной интеграции

В нынешних условиях внешние силы стремятся изменить социальную и политическую структуру региона. Перед ЕС стоит масштабная задача добиться притока рабочей силы за счет деиндустриализации и снятия торговых барьеров со странами региона. Для этого ЕС необходимо изменить у жителей Пограничья восприятие окружающего мира и сохранять у власти силы, приверженные неолиберальным методам управления экономикой. Из этого возникает целый ряд краткосрочных целей, таких как участие стран в программе «Восточное партнерство», поощрение ориентированных на Европу политических сил, работа с неправительственными организациями.

В то же время у России – цели экономического и культурного характера: сохранить и развить экономические связи и производственные цепочки, оставшиеся с советских времен. Цели ЕС и РФ взаимоисключающие, несмотря на публичные заверения, речь идет именно об «игре с нулевой суммой» («или мы, или они»). Поэтому борьба внешних сил заметно обострилась, что вызывает резкие колебания в соци-

альной и политической структуре региона.

К 2020 году внешнее давление на регион возрастет. Европейский союз через программу «Восточное партнерство» и вмешательство в урегулирование конфликтов будет формировать собственную периферию. При этом, так как те силы, на которые европейцы будут опираться, бесконечно далеки от политических стандартов Брюсселя, этой частью стандартов придется жертвовать в пользу распространения экономических норм и правил ЕС. Например, Брюсселю пришлось признать честными и прозрачными молдавские парламентские выборы 2014 года, хотя крупную партию, имевшую все шансы на прохождение в парламент, лишили прав на участие в кампании за день до даты выборов, что сделало невозможным опротестовать такое решение в судебном порядке. Иными словами, с помощью законных методов была сделано то, что противоречит духу избирательного права.

ЕС будет вовлекать Беларусь, Молдавию и Украину во всевозможные форматы сотрудничества, работающие по принципу «ценности и ориентиры наши – прогресс ваш». В преамбуле Соглашения об ассоциации Украина – ЕС пять пунктов посвящены ценностям, ключевой из них сформулирован так: «Украина как европейское государство разделяет с государствами – членами Европейского союза общую историю и об-

щие ценности и намерена придерживаться этих ценностей». Суть форматов сотрудничества с Брюсселем можно описать как невключение в ЕС или евроинтеграцию без особых обязательств со стороны Брюсселя.

С одной стороны, такие форматы экспансии ЕС позволят в урезанной форме сохранить регион. С другой – его политическое содержание будет меняться. В любом случае перемены будут очень болезненными: в социально-экономической сфере вероятно заметное снижение уровня доходов населения, в политической – формирование нестабильных режимов.

Европейская интеграция остается более привлекательной для стран региона, что объясняется несколькими факторами. Во-первых, срабатывает эффект визуального благополучия, стереотип о «сытой» Европе. Между тем в ЕС существует большой разрыв между достатком старых и новых (с 2004 года и позже) членов: разрыв между средним ВВП на душу населения западноевропейских и восточноевропейских стран составляет 3,5 раза, а по среднему подушевому месячному доходу – 6–7 раз.

Во-вторых, большое количество стран в ЕС делает незаметным неравномерное распределение ресурсов и влияния, а именно – существенный перекося в пользу ФРГ. Согласно принятой процедуре в Совете

ЕС, высшем исполнительном органе, проголосовавшие «за» должны представлять 65 % населения единой Европы, поэтому сопротивление Берлина почти вдвое (16 % из необходимых 35,1 % против) снижает вероятность принятия решения. С учетом того, что ФРГ обеспечивает четверть бюджетных поступлений ЕС, значение Берлина еще существеннее.

Несмотря на это, Россия будет всячески противостоять попыткам ЕС вмешиваться в дела стран Пограничья. Но с учетом того, что две страны – Молдова и Украина – с формальной точки зрения добровольно подписали соглашения об ассоциации, протесты Москвы будут базироваться на резком неприятии происходящего. Между тем от способности России создать противовес ЕС в Пограничье зависит будущее всего региона: или регион развивается по заданному сценарию, или сохраняет свое многообразие и последовательно ищет свое видение места в мире.

Динамика дальнейшего развития в регионе, в том числе ситуация с непризнанными государствами, зависит от степени готовности России и Запада к эскалации напряженности. Поэтому можно предположить три сценария развития событий.

Первый. Москва и Брюссель договариваются о «размене» Молдовы и Беларуси: ЕС оставляет попытки бороться за симпатии Минска, Россия ограни-

чивает вмешательство в молдавскую политику. Украина остается предметом дальнейших переговоров – уже в более спокойной обстановке. Косвенно в пользу этого сценария говорит откровенно вялая поддержка Кремлем молдавской Партии социалистов, выступавшей за переориентацию на вступление в Таможенный союз.

Второй. Украина возобновляет боевые действия, и Россия в ответ вводит экономически болезненные для Киева меры, одновременно с официальным признанием ДНР и ЛНР. В таких условиях вероятна «разморозка» Приднестровского конфликта.

Третий. Стороны стремятся сохранить статус-кво, выжидая, что не выдержит первым – экономика Украины или России. Периодическая дипломатическая активность по урегулированию конфликта в Приднестровье и на Донбассе превратится в рутинные протокольные встречи. Если не выдержит экономика Украины, Брюсселю придется уступить, если же возобладают негативные тенденции в экономике РФ, то снизить ставки вынуждена будет Москва.

У каждого из сценариев есть свои недостатки и достоинства. Первый вариант окончательно раскалывает регион Пограничья, зато закладывает основы для масштабного сближения Брюсселя и Москвы. Кроме значительных людских жертв, реализация вто-

рого сценария ставит под сомнение не только украинскую и молдавскую государственность, но и статус России как региональной державы. Зато прямое столкновение в Приднестровье и Донбассе рано или поздно разрешится, исчезнет необходимость «замораживать» конфликты. Наконец, третий сценарий может продолжаться с небольшими отклонениями в течение десятилетий, что сохраняет и приумножает неопределенность.

Любой сценарий требует от России повысить свою активность в регионе. Помимо неизбежного и существенного пересмотра отношений с политическими партнерами в трех странах Москве потребуется задуматься об экономических реформах. Их осуществление принесет пользу Российскому государству и ослабит демонстрационный эффект от визуального благосостояния ЕС. Главное – это донести до населения и элит Молдовы, Украины и Беларуси, что Россия выступает не за статус-кво, а за более адекватный по темпу и направленности формат политического и экономического развития. Для этого Москве придется научиться общаться со странами Пограничья, идти на компромиссы и проявлять внимание к специфике региона. Именно эти приоритеты – пересмотр круга партнеров, реформы и внимание к специфике – должны лечь в основу подготовки Москвы к предвы-

борным кампаниям 2019 года в Молдавии и Украине. В общем, целостность региона во многом зависит от способности России за четыре года справиться с внутренними и внешними вызовами, в том числе убедить элиты в Кишиневе, Минске и Киеве просчитывать последствия.

Два уровня внешнеполитического балансирования

Несмотря на то что внешние силы во многом задают повестку дня для стран региона, последние не наблюдают молчаливо за происходящим. Напротив, в Киеве, Минске и Кишиневе постоянно (хотя и с разной степенью интенсивности) идет поиск оптимальных моделей взаимодействия с миром. **В Кишиневе изобретением последних лет стала концепция «двухвекторной интеграции», вполне соотносящаяся с реалиями региона. В Киеве, несмотря на информационный шум по поводу событий в Крыму и на Донбассе, сохраняет влияние идея моста между Востоком и Западом, треугольника, который обеспечит субъектность самой Украины. Во многом нынешние тесные контакты украинского руководства с западными странами – это лишь попытка изменить отношение Москвы**

к треугольным комбинациям. В Беларуси на официальном уровне уживаются концепции постсоветского братства (например, в формате ОДКБ) и «мирного пояса соседства».

С трудом выработанное видение взаимоотношений с миром в трех странах подвергается непрерывным атакам извне и изнутри. Во внутривнутриполитическом идеологическом пространстве большинства постсоветских стран доминирует национализм разной степени умеренности. Национализм в мировой практике ставит целью формирование национального государства, но в Пограничье он развился уже после провозглашения независимости государств региона в начале 1990#х годов, что обуславливает необходимость оправдания его существования. Среди отдельных групп населения существует ностальгия по отдельным аспектам жизни в СССР, которая нередко сильнее привязанности к «новой» стране. В этих условиях государство должно искать более привлекательную модель общества, чем в позднем Советском Союзе. Элиты постсоветских стран традиционно выбирают национализм разной степени уверенности, поскольку эта идеология гибкая и не требует большой ответственности. Даже в Беларуси одним из официальных лозунгов действующей власти стало «За Беларусь для народа», что подразумевает, что белорус-

ская реальность все же лучше советской.

Оправдание национализма сооружается по одному и тому же принципу: собственно национального государства еще нет, так как мешают проблемы (в основном внешнего происхождения). Поэтому видение будущего стран непрерывно вступает в противоречие с мнимыми проблемами, исходящими от внутренней неуверенности постсоветских национализмов.

На Украине наиболее устойчивым стал миф о том, что Россия создает проблемы Киеву с целью демонтажа украинской государственности («Росія хоче знищити Україну як таку»). Мнимая проблема Беларуси – козни Кремля или Запада против действующего руководства, а для Кишинева – угроза слияния с Румынией и растворения в ней собственно молдавской государственности. В итоге страны Пограничья выстраивают отношения с внешним миром, отчасти конфликтуя с ним. Но именно в этом кроется причина непоследовательности большинства политиков трех государств, которые вынуждены балансировать между внутривнутриполитической националистической риторикой и реальными интересами своих государств. Как результат, политические элиты вырабатывают сложные компромиссы, которые быстро утрачивают связь с реальностью.

Противостояние ЕС и РФ в регионе открывает

для Украины, Беларуси и Молдовы возможность хотя бы отчасти реализовать свое видение. Повышенная заинтересованность внешних сил в регионе дает возможность получать экономические преференции. Москва и Брюссель болезненно относятся к успехам друг друга, что позволяло Минску, Киеву и Кишиневу использовать угрозу пересмотра внешнеполитических приоритетов.

Например, Беларусь регулярно перед президентскими выборами конфликтует с Москвой по вопросам интеграционного строительства, чтобы обеспечить дополнительные кредиты или дотации. Однако практика балансирования между центрами силы не стоит на месте: Киев в приднестровском, а Минск в донбасском конфликте зарабатывали политический капитал на статусе посредника, чтобы обменять накопленное на реальные уступки Москвы или Брюсселя. **А в 2014 году уникальную тактику избрала украинская элита, сделавшая предметом торга угрозой распада собственной страны.** Европейскому союзу хотелось бы избежать материальной ответственности в духе формулы «евроинтеграция без обязательств», но Киев активно использовал нежелание Брюсселя доводить ситуацию до неопределенности, когда невозможно действовать по стандартам и шаблонам. К 2020 году ситуация радикально не изменит-

ся: груз обязательств по отношению к ЕС и ЕАС будет давить на страны, будут пройдены интеграционные «точки невозврата», но Киев, Минск и Кишинев будут находить все новые способы использовать развернувшуюся над их головами битву гигантов.

Таким образом, **внешняя политика Беларуси, Украины и Молдовы представляет собой сложное соотношение между мифами национализма, реальными интересами и возможностью использовать заинтересованность внешних игроков.** В течение ближайших пяти лет поменяются фигуры в руководстве стран, партийные расклады в парламентах, динамика внешнеторгового оборота, но константой останется двухуровневое балансирование: между националистическими мифами и реальными интересами и между крупными внешними игроками. Первый уровень задает повестку дня, а второй – вносит жизнь в мертворожденный компромисс элит.

С учетом политической специфики у Беларуси балансирование будет проявляться в виде взаимоисключающих действий и высказываний главы государства, у Молдовы и Украины – путем закулисных договоренностей и публичных скандалов. **Маловероятно, что Кишинев или Киев пересмотрят соглашения об ассоциации с ЕС. Скорее, эти документы полностью не заработают. Аналогично участие**

Беларуси в евразийском интеграционном проекте состоится настолько, насколько это не будет мешать функционированию действующей политической системы. Таким образом, экономическая интеграция под влиянием сопротивления стран региона сохранит «ритуальный» характер: постоянные встречи «интегрируемых» и взаимные декларации верности будут важнее, например, реальной борьбы с нетарифными ограничениями.

В далекой перспективе внутреннее сопротивление региона внешнему давлению может привести к реализации концепции моста между Европой и Евразией. С учетом того, что материальные и политические возможности России в нынешнем мировом порядке меньше, чем у Брюсселя, такой исход событий выгоден Москве. Если РФ сделает ставку на внутреннюю динамику обществ и на контрбалансирующие силы Пограничья, даст им аргументы в заочной дискуссии, удастся не только разрушить часть националистических мифов, но и выйти на партнерскую модель взаимодействия с тремя странами.

Политические процессы в Молдавии и на Украине

Несмотря на формальные черты демократии

на Украине и в Молдавии, конкуренция партий и идеологий представляет собой фасад, а не содержание политической системы. В реальности решения государственных органов являются отражением позиций неформальных институтов. Главный из таких институтов – устойчивая связь политиков и чиновников с финансово-промышленными группами. Крупный бизнес стремится контролировать отдельные сферы государственного управления и социальной жизни. Например, в Молдавии судебную власть, прокуратуру, строительство, энергетику, транспорт и телекоммуникации курирует олигарх Владимир Плахотнюк, которого в политическом пространстве представляет Демократическая партия. Его основной конкурент – бывший премьер и глава Либерально-Демократической партии Владимир Филат, влияние которого ощутимо в полиции, системе здравоохранения и публичных финансов (см. табл. 1). На Украине деление организовано по точно такому же принципу, но в более сложных формах (см. табл. 2).

Таблица 1. Ключевые политические партии Молдовы и их основные финансовые покровители

Партия	Доля депутатов в парламенте, %	Доля депутатов в районных и муниципальных советах, %	Покровитель
<i>Либерально-демократическая партия</i>	23	22,6	В.В. Филат («Dosoftei»)
<i>Демократическая партия</i>	18	15,4	В.Г. Плахотнюк («Finpar Invest SRL»)
<i>Либеральная партия</i>	12	16,2	Г.А. Стати («Ascom Group»)
<i>Партия коммунистов</i>	21	36,9	О.В. Воронин («Fincombank»), частично В.Г. Плахотнюк
<i>Партия социалистов</i>	26	0,1	В.Н. Платон («Moldincombank»)

Недовольство населения неформальными институтами велико, что составляет одну из важнейших контрбалансирующих сил. Правда, итоги недовольства разные: в Молдавии – политическая индифферентность масс, на Украине – регулярный поиск по-

коления «новых политиков». **Временные пики протестной активности населения (такие, как Евромайдан) разряжают социальную напряженность, но не меняют основ политической системы.** Часто масштабные акции граждан используются в интересах финансово-промышленных групп, недовольных текущим распределением ресурсов. Именно возможность пересмотра баланса сил сдерживает аппетиты групп интересов, уже причастных к формированию государственной политики.

Таблица 2. Ключевые украинские партии и их основные финансовые покровители

Партия	Доля депутатов в парламенте, %	Покровитель
<i>Блок Петра Порошенко</i>	35,2	П.А. Порошенко («Prime Asset Capital»), И. В. Коломойский (группа «Приват»), Д. В. Фирташ («Df Group»)
<i>Народный фронт</i>	19,4	А.В. Иванчук («Украинская нефтегазовая компания»), Н.В. Мартыненко (крупный посредник в ядерной энергетике)
<i>Радикальная партия</i>	5,2	Д.В. Фирташ
<i>ВО «Самопомощь»</i>	7,6	И.В. Коломойский, П.П. Дыминский («Западная нефтяная группа»), А. М. Вереvский («Kernel»)
<i>ВО «Батькивщина»</i>	4,5	отсутствует
<i>Оппозиционный блок</i>	9,5	Р.Л. Ахметов («System Capital Management»), В.В. Новинский («Смарт-групп»), Д. В. Фирташ

До 2019 года в Молдове и на Украине у власти будут находиться проевропейские политические силы. В одной лодке их удерживает боязнь надолго утратить доступ к власти, что может случиться в случае распада парламентских коалиций. Уровень неприяз-

ни между либерал-демократами Влада Филата и демократами Мариана Лупу в Молдове почти равен степени напряженности в отношениях украинских партий – ВО «Батькивщина» Юлии Тимошенко и «Народного фронта» действующего премьера Арсения Яценюка. На различие идеологий и тактических целей основных групп накладываются неприязненные отношения отдельных персоналий (например, президента Петра Порошенко и самого богатого украинца Рената Ахметова). Политические и финансово-промышленные группы существуют по принципу «вместе идти, врозь бить». Парадоксально, но легитимность и уверенность им придает Брюссель в обмен на декларирование курса на европейскую интеграцию.

На внешнюю и внутреннюю политику Украины значительное влияние будет оказывать миф о превентивной агрессии России, согласно которому Кремль намерен сохранить влияние в стране путем ее дестабилизации. Этот миф позволяет действующей власти клеймить политических оппонентов как пособников «агрессора», перекладывать ответственность за собственные ошибки на мнимых вредителей и сплачивать электорат. Нагнетанию социальной истерии на Украине способствует неразрешенная проблема «народных республик» Донбасса, а новые факты и телевизионные репортажи льют во-

ду на мельницу мифотворцев. Постулат о превентивной агрессии утверждает, что за ЛНР и ДНР сражаются боевики и наемники, что местное население подавлено и наблюдает за происходящим.

Миф подводит к вполне логичному выводу: переговоры с «боевиками» не нужны, лучше их игнорировать или уничтожить. В итоге ключевой механизм сохранения нынешних групп интересов у власти становится препятствием для перехода к конструктивным отношениям с Россией, ДНР и ЛНР. Хотя на отсутствие конструктива повлиял не только миф о превентивной агрессии, но и ситуация форсированного выхода Крыма из состава Украины. Таким образом, националистический миф сильнее прежнего будет ограничивать выбор для киевского руководства. Зато сконструировать нечто подобное в Молдавии не удастся, поскольку проевропейская коалиция долго находится у власти, постепенно утрачивает доверие населения и поэтому не способна производить полноценные мифы.

Из-за консервирующей роли ЕС в политических системах двух стран к 2019 году маловероятно, чтобы правительственные коалиции в Молдавии и Украине распались. В Кишиневе за 12–18 месяцев до очередных выборов возможен правительственный кризис, который устроит Владимир Плахотнюк для того, что-

бы снизить рейтинги либерал-демократов. Евросоюз сделает все, чтобы проевропейская коалиция хотя бы на публике продемонстрировала единство и уверенность в собственном будущем. Не исключены провокации в отношении Гагаузии и Приднестровья.

Ситуация на Украине менее устойчива, поскольку в правительственной коалиции участвуют пять партий. Лидеры четырех из них (Петр Порошенко, Арсений Яценюк, Юлия Тимошенко, Андрей Садовой) претендуют на должность президента в 2019 году. За четыре года каждая из партий будет стремиться переложить ответственность на других и изнутри расколоть коалицию. Первыми на выход из проевропейского большинства претендуют «Батькивщина» и «Самопомощь». В Верховной раде повторятся скандальные переходы депутатов между фракциями, не исключены отставки отдельных министров (прежде всего главы ведомства социальной политики Павла Розенко и руководителя Министерства спорта и молодежи Игоря Жданова).

Таким образом, противоречия основных политических сил и групп интересов в Молдавии на и Украине будут углубляться. Продолжится перераспределение влияния в регионах и отраслях государственного управления, будет происходить территориальная и функциональная фрагментация государствен-

ного аппарата. В условиях фрагментации деструктивные силы (например, часть добровольческих батальонов на Донбассе) могут вести независимую политику и без обострения отношений с центральной властью. За счет слабости государственного аппарата слабыми будут и деструктивные силы. Поэтому распада Украины или Молдовы в ближайшем будущем не предвидится.

Политические процессы в Беларуси

Политический режим в Беларуси относится к разряду авторитарных, хотя и имитирует основные демократические процедуры, в том числе парламентские и президентские выборы. Основа стабильности режима в Минске кроется в «белорусской экономической модели», то есть в относительно справедливом перераспределении благ государством при сохранении советской структуры экономики. В белорусских реалиях народное хозяйство до сих пор опирается на колхозы и градообразующие промышленные предприятия. Сохранение такой экономической модели малопродуктивно, поскольку не решается проблема энергоемкости производств, что очень важно для небогатой полезными ископаемыми Беларуси. Кроме того, экономические механизмы советской эпохи засло-

няют дорогу для более эффективных и гибких форм производства. В СССР заботу о том, как реализовать продукцию, брало на себя государство через инструменты директивного планирования. Но в Беларуси производства, предназначенные работать по указке сверху, вынуждены искать покупателя самостоятельно. Им приходится сокращать производство, поскольку покупателей заметно меньше в условиях глобальной конкуренции и таможенных барьеров. Драма «белорусской экономической модели» состоит в том, что производственный сектор сокращается, но должен при этом обеспечивать растущие потребности. В итоге экономика и политический режим в Беларуси в нынешнем виде существуют за счет внешних ресурсов, прежде всего российских инвестиций и дотаций. Доля экспорта в ВВП Беларуси в последние десятилетия колебалась между 60 и 80 %.

После резкой девальвации белорусской валюты в 2011 году доверие граждан к политическому режиму резко упало. Население страны уже десятилетие высчитывает любое количество денег (доходы, цены) в долларовом эквиваленте, но теперь большинство вдобавок сомневается в способности президента Александра Лукашенко исправить ситуацию. С учетом девальвации российской валюты в 2014–2015 годах весной или летом 2015 года вероятен новый виток

кризиса белорусского рубля. По устоявшемуся правилу политический режим переложит ответственность на внешних игроков. Кроме того, Лукашенко подготовил запасной вариант: в качестве виноватых может оказаться новый состав правительства, назначенный в декабре 2014 года. На любом другом отрезке электорального цикла этого было бы достаточно, но в год выборов белорусский лидер не может рисковать. Поэтому Минск будет работать в двух направлениях: дезорганизация оппозиции и получение дополнительных кредитов.

С учетом международного имиджа Беларуси евразийские интеграционные структуры и Россия остаются едва ли не единственными источниками финансовой помощи для Минска. Но в пиковые политические моменты в странах Пограничья активизируется националистическое мифотворчество, так что Беларусь будет добиваться кредитов путем жесткой и даже оскорбительной риторики. Наиболее вероятно, что Минск будет позиционировать себя как сторону, предлагающую наиболее правильную модель евразийской интеграции, а Россию будет обвинять в корыстных побуждениях. Другой механизм достижения цели – угроза смены внешнеполитических приоритетов – Москву уже не испугает, поскольку Запад не готов к полноценному диалогу с действующим по-

литическим режимом.

Для России важно не только сохранить в лице Беларуси союзника и партнера, но и с помощью финансовых инструментов корректировать «белорусскую экономическую модель». С помощью четко выписанных критериев предоставления кредитов и поэтапного мониторинга их достижения Россия и институты евразийской интеграции смогут заложить основу для постепенного реформирования Беларуси.

Политическая динамика в непризнанных государствах

На фоне фрагментации суверенитета на Украине и в Молдавии непризнанные государства демонстрируют тенденцию к политической консолидации. В ДНР и ЛНР наметится поворот к авторитарной модели управления. В Приднестровье президент Евгений Шевчук будет и далее искоренять остатки влияния многолетнего бывшего лидера Игоря Смирнова, соблюдая нейтралитет в отношениях с крупнейшей финансово-промышленной группой «Шериф». При этом экономическая ситуация в непризнанных государствах тяжелая: Украина заморозила банковскую активность и социальные выплаты в Донбассе, вынуждает местных жителей переместиться на кон-

тролируемую властями территорию, а Приднестровье живет в условиях блокирования товарных потоков Кишиневом и Киевом при негласной поддержке ЕС и США.

ДНР и ЛНР находятся в начале пути построения государства. Две проблемы требуют скорейшего решения. Во-первых, народные республики должны определить свой вектор развития, всего их три: присоединение к России, автономный статус в составе Украины или полная независимость. Не все варианты в одинаковой степени можно реализовать. Например, Приднестровье четко заявляло о намерении присоединиться к России, но никаких последствий это не повлекло. Во-вторых, народным республикам следует выстроить новую модель экономики. Сейчас непризнанные государства Донбасса ориентированы на теневой экспорт угля и промышленного оборудования. Без материальной поддержки России долго такие экономики продержаться не могут, особенно при возобновлении боевых действий.

Напротив, Приднестровье настолько давно существует в состоянии фактической независимости, что уже достигло осознания собственных интересов. Зона свободной торговли Молдавии с ЕС открывает для Тирасполя широкие возможности, но требует от него больших уступок. В уравнение внешнеполи-

тического балансирования ПМР в ближайшие годы прочно войдет намерение сохранить эти возможности при минимуме уступок.

В целом существование непризнанных государств и политическая динамика в них напрямую зависят от отношений России и Запада и от того, какой сценарий развития событий будет реализован.

Глава 4

Южный Кавказ. Поиск источников роста

Силаев Николай Юрьевич – кавказовед, кандидат исторических наук (2003). Ведущий аналитик агентства «Внешняя политика». Старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России. Директор Некоммерческого партнерства «Кавказское сотрудничество (2009 – настоящее время). Его публикации посвящены международным отношениям и социально-политическим трансформациям на Южном и Северном Кавказе.

Летом – осенью 2014 года в регионе произошел ряд крупных столкновений между армянскими и азербайджанскими силами в Нагорном Карабахе. В июле – августе 2014 года возникло очередное обострение на линии соприкосновения сторон. В ноябре азербайджанские силы сбивли вертолет Ми#24 армии Нагорного Карабаха. По данным азербайджанской стороны, вертолет собирался атаковать азербайджанские позиции. По данным Армении и НКР, он был сбит во время учений, когда летел параллельно линии со-

прикосновения сторон. Однако, несмотря на прогнозы многих комментаторов и наблюдателей, эти вспышки не переросли в полномасштабную войну. В последние годы стороны добились установления такого баланса сил в зоне конфликта, который позволяет им эффективно осуществлять взаимное сдерживание. На этом фоне в 2014 году прошли три встречи президентов Армении и Азербайджана: в августе в Сочи, в начале сентября на полях саммита НАТО в Ньюпорте и в конце октября – в Париже. Эти встречи не привели к каким-либо подвижкам в позиции сторон, хотя способствовали тому, чтобы ситуация в зоне конфликта не вышла из-под контроля.

Стратегии армянской и азербайджанской сторон по отношению к конфликту остаются прежними. Азербайджан не отказывается и не откажется от своей позиции по Нагорному Карабаху. Баку добивается возвращения под свою юрисдикцию семи районов, оккупированных силами Армении и НКР в результате войны 1991–1994 годов, и передачи ему территории Нагорного Карабаха. Поскольку эти цели, очевидно, недостижимы в рамках политического урегулирования, Азербайджан придерживается стратегии «отложенного реванша». Пользуясь доходами, полученными от экспорта углеводородов, он добивается военно-технического превосходства над Арменией и НКР.

В Баку рассчитывают, что значительный экономический перевес Азербайджана над Арменией, в совокупности с поддержанием транспортной блокады Армении со стороны Баку и Анкары, в долгосрочной перспективе будет способствовать ослаблению Армении. В Ереване ориентируются на поддержание статус-кво, основанного на балансе военных потенциалов двух стран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.